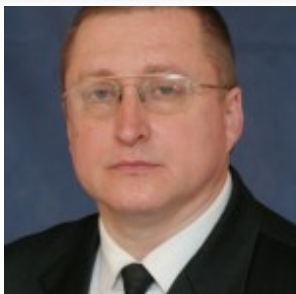

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕРОКАВКАЗСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ 1920–1930 гг. В ТУРЦИИ, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США: ЭВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА <i>В. Ф. Ершов</i>	4
ТРИДЦАТЬ ДВА ЧЕЛОВЕКА, РАССТРЕЛЯННЫХ В ОДИН ДЕНЬ <i>Г. К. Дзюев</i>	13
ССЫЛКИ И ВЫСЫЛКИ КРЕСТЬЯН, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ <i>О. О. Айшаев</i>	20
РАСПОЯСАВШИЕСЯ «БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ» <i>Журнал «СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ». № 37. Май 1937 г. Варшава</i>	25

СЕВЕРОКАВКАЗСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ 1920–1930 гг. В ТУРЦИИ, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США: ЭВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

В. Ф. ЕРШОВ,

*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории стран ближнего зарубежья МГУ им. М. В. Ломоносова,
член Правления Российского общества историков-архивистов (РОИА)*

Стабилизация общественно-политической обстановки на Северном Кавказе и создание условий для экономического и культурного развития региона, его включения в орбиту модернизационного процесса является одной из центральных задач современного руководства Российской Федерации [1]. В процессе формирования государственной политики России на Северном Кавказе все большее значение приобретает мир северокавказского зарубежья. С начала 90-х гг. идет процесс культурного воссоединения диаспор адыгских, вайнахских и дагестанских народов в Турции, странах Ближнего Востока, Западной Европе, США с исторической родиной.

Северокавказская культура оказала большое влияние на формирование общероссийского культурного пространства. Исключительно велика геополитическая роль Северного Кавказа и в современном мире. Президент Российской Федерации В. В. Путин, говоря о большом перспективном значении Северного Кавказа для модернизации страны в экономической, социально-политической и научной сферах, назвал Северный Кавказ «жемчужиной России». Со своей стороны, руководство северокавказских республик всемерно поддерживает развитие инновационных процессов, внедрение наукоемких технологий, стремится к формированию университетского интеллектуального мира, строит свою деятельность на основе новейших принципов государственного управления.

Многочисленность и общественная активность северокавказских диаспор, их живой интерес к жизни соотечественников на Кавказе, превращает их в важный фактор международной политики. Развитие конструктивного диалога с миром северокавказского зарубежья требует создания серьезной научно-теоретической базы данного направления в государственной политике и деятельности структур гражданского общества. В том числе, важное научное и практическое значение приобретает формирование объективных представлений об истории и современном облике северокавказского зарубежья.

Социально-культурный феномен северокавказского зарубежья, его значение в мировой истории и культуре XIX–XX веков в настоящее время все чаще привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых-историков, политологов, этнографов. Преимущественное внимание исследователей уделяется черкесским, дагестанским и другим диаспорам в Турции и странах Ближнего Востока, возникшим в результате трагических последствий Кавказской войны 1817–1864 гг. В большинстве книг и статей на данную тему рассматривается также современное состояние северокавказских зарубежных общин, затрагиваются проблемы сохранения ими языковой и культурной идентичности [2]. В меньшей степени изучен процесс формирования и специфика социума северокавказской

эмиграции послереволюционной волны 1917 – начала 1920 г., эволюция ее общественно-политической и культурной жизни [3]. Ряд работ по этой теме отличается высоким уровнем политизированности; между тем данная проблема представляет значительный интерес [4].

Исход гражданских беженцев и военизированных формирований с Северного Кавказа являлся частью общего огромного миграционного потока с территории рухнувшей Российской империи. Представители народов Северного Кавказа внесли свой вклад в общую картину становления и эволюции историко-культурного феномена зарубежной России, успешно действуя на ниве науки, культуры и искусства, участвуя в работе различных общественных организаций, политических партий, воинских обществ и союзов, издательств и т. п. В то же время, северокавказское зарубежье 1920–1930 гг. имеет свою специфику, отличающую его и от российской эмиграции в целом, и от мира северокавказских диаспор, сложившихся в XIX веке.

Существенную роль в формировании социально-ментальных особенностей, структуры, характера общественной деятельности северокавказской эмиграции сыграли события 1917–1921 гг. на Кавказе и в соседних регионах (в Закавказье, на Дону и Кубани). Первый опыт создания собственной государственности, борьба политических идей и кровавые столкновения в хаосе Гражданской войны, противостояние красным и белым, в ряде случаев – попытки сотрудничества с теми и с другими, дипломатическая деятельность во Франции, Германии, Турции – все эти элементы кратковременного, но чрезвычайно насыщенного этапа в истории Северного Кавказа явились основой общественно-политического облика северокавказского зарубежья.

Большинство северокавказских эмигрантов начала 20-х гг. составляли участники различных вооруженных формирований, возникших в ходе Гражданской войны на Кавказе, а также представители интеллигенции. В силу этнического многообразия, религиозной и политической неоднородности северокавказской эмиграции 1920–1930 гг. ее самоидентификация и институционализация происходили по нескольким направлениям:

- политико-географическому, объединявшему приверженцев идеи создания на территории Северного Кавказа одного или нескольких независимых государств;
- этническому, на основе которого возникали институциональные структуры национальных диаспор кавказских народов (черкесов, чеченцев, осетин и др.);
- по принципу кавказского землячества, подразумевавшего принадлежность к особому кавказскому братству, сложившемуся в условиях изгнания и включавшему уроженцев

Северного Кавказа и Закавказья, а также тех, кто был связан с данным регионом в силу служебной, научной или творческой деятельности, независимо от национальной или религиозной принадлежности.

Наиболее заметной в общественно-политической жизни северокавказского послереволюционного зарубежья в Европе была деятельность организаций и движений, сочувствовавших идеям независимости Кавказа и Кавказской конфедерации. Еще в 1914 г. в Стамбуле был учрежден «Комитет независимости Кавказа». Его делегация в 1915–1916 гг. выезжала в Париж и Берлин, пытаясь найти поддержку западных держав в деле освобождения Кавказа и создания конфедерации четырех государств – Азербайджана, Армении, Грузии и Северного Кавказа. Вскоре грузинская и азербайджанская стороны отказались от участия в работе КНК, и он был преобразован в «Комитет политических эмигрантов Северного Кавказа в Турции». При этом, на конференции международного «Союза национальностей» (т. н. «Конгресс угнетенных наций»), проходившей в июне 1916 г. в Лозанне, представителям Комитета была устроена овация как «носителям традиций Шамиля» [5].

В период Гражданской войны 1917–1922 гг. возникло два центра политической активности кавказской эмиграции: Париж и Константинополь. В столице Франции, к которой тяготела политическая элита послереволюционного зарубежья, в начале 20-х гг. шли переговоры между делегациями (правительствами в изгнании) Грузии, Армении Азербайджана и Горской республики о возможности дальнейших совместных действий; ими предпринимались попытки воссоздания за рубежом единого политического руководства Кавказской Федерации образца 1917 г., несмотря на фактически непреодолимые разногласия между ее четырьмя участниками.

Заинтересованность в кавказском вопросе проявляло эмигрантское казачество, многие лидеры которого также имели штаб-квартиры в Париже. Демократическая поликультурная атмосфера Парижа обеспечивала возможность свободных дискуссий в эмигрантской среде, а также распространение идей кавказской конфедерации и независимости Северного Кавказа в русскоязычной и иностранной прессе, политических, военных и научных кругах Европы.

10 июля 1921 г. в Париже была провозглашена Конфедерация Азербайджана, Армении, Грузии и Горской республики. С 4 сентября того же года в Константинополе начало работу «Частное совещание политических деятелей кавказских республик», в котором участвовали представители Грузии (Н. Г. Хомерики, Д. Шарашидзе и Джугели), Азербайджана (Ш. Рустамбеков и Мусса-бек Рафиев) и Северного Кавказа (А. Цаликов). Они выдвинули предложение о создании постоянно действующей организации, объединяющей представителей политических групп стран – участниц будущей Кавказской Конфедерации, включая не представленную на совещании Армению. Основную цель организации составляло информирование друг друга о внутреннем положении и настроениях населения в своих республиках, обмен мнениями и «установление, по возможности, общности взглядов по принципиальным и тактическим вопросам, выдвигаемым происходящими на Кавказе событиями» [6].

Большое значение в данной ситуации приобрело развитие частной благотворительности и формирование системы взаимопомощи в рамках северокавказских диаспор. Российские беженцы-мусульмане, включая представителей различных народов Северного Кавказа, получали определенную поддержку и от турецкого правительства. Современный черкесский автор Кадыр Натхо в одной из своих публикаций, в

Руководители Горской республики во Франции. 1920 год

частности, приводит сведения об общественной деятельности Фатимы Ханым, супруги Кучука Натирбова, которая создала в Турции «Комитет черкесских женщин» для организации помощи беженцам из большевистской России. В результате ее обращений к турецким властям султан выделил один из своих летних домов без мебели, где получили приют около 100 черкесских беженцев. Из деревянных ящиков, от которых отказалось американское Управление Верховного комиссариата, ими была изготовлена мебель, налажен быт и культурная жизнь. Этот дом, получивший известность под наименованием «Черкесского дома», вскоре стал, подобно аналогичным русским учреждениям на улице Пера, центром общественной жизни черкесской колонии в Стамбуле. Его обитатели «сумели создать счастливую атмосферу, и, несмотря на нехватку продовольствия и других товаров» [10], устраивали приемы, на которые приглашали видных турецких государственных деятелей и представителей командования союзников, в том числе, американского Верховного комиссара адмирала Марка Бристолья, симпатизировавшего российским эмигрантам. При его содействии Государственный департамент в Вашингтоне дал согласие принять в США группу черкесских беженцев из Турции. Однако большинство черкесов, которым был предложен переезд, «отказалось от этого предложения, поскольку они «были убеждены в том, что большевистская власть вскоре потерпит крах, и они смогут вернуться на свои родные земли и дома» [11]. Как известно, аналогичные иллюзии в 20-е гг. питала и вся российская эмиграция: политическая элита, военные, творческая интеллигенция, профессура и другие общественные слои российского зарубежья тешили себя надеждами на скорое падение большевизма. Позднее многие поняли тщетность этих ожиданий, однако значительная часть послереволюционной эмиграции, включая ее северокавказский сегмент, продолжала делать ставку на военно-политический реванш, что позднее оказало влияние на характер участия данной группы российских (и кавказских) эмигрантов в событиях Второй мировой войны. В середине 20-х гг. небольшая группа черкесов, включая семью Натирбовых, выехала в США.

В начале 20-х гг. в Константинополе сложилась многочисленная и институционально развитая русскоязычная диаспора, возникшая на основе крымского миграционного потока, что создавало условия для общественной жизни кавказских эмигрантов без интеграции в систему исламско-тюркского мира. Многие выходцы с Северного Кавказа, обосновавшиеся в Турции, обратились к частному предпринимательству. Представители северокавказской эмиграции, а также выходцы из Армении, Грузии и Азербайджана, которые в русскоязычных источниках нередко выступали под обобщенным наименованием кавказцев, стали также частью достаточно пестрого российского эмигрантского сообщества в Константинополе, наполнявшего в 20-е гг. «русскую улицу Пера». В частности, в популярном ресторане «Георгий Карпыч» завсегдатаями стали «кавказцы всех профессий» [12]. Встречаются также упоминания о кавказском кабачке «О бон гу», принадлежавшем некоему Тиграну [13]. Представители северокавказской послереволюционной эмиграции вошли также в состав турецких акционерных обществ, т. н. ширкетов, под прикрытием которых нередко действовала разведывательная агентура [14].

Бывший чиновник по особым поручениям при Ставке Главнокомандующего ВСЮР Багирхан Котиев (Бексултан) [15], открыл в Стамбуле ювелирный магазин; позднее он стал издавать журнал «Кузей Кавкази» («Северный Кавказ»), являлся одним из авторитетных лидеров ингушской общины в Турции [16].

Некоторые представители северокавказской эмиграции, в том числе участники белого движения, оказавшиеся в Константинополе вместе с войсками Русской армии генерала П. Н. Врангеля, также предпочли остаться в мусульманской Турции, соединившись с сообществом единоверцев и диаспорой «старых махаджиров». Однако у некоторых нашло отклик и движение репатриации. В частности, 13 мая 1924 г. на пароходе «Мавритания» из Константинополя в Новороссийск в числе других репатриантов прибыла группа кубанских черкесов-мусульман – представителей разных поколений и общественно-политических групп, объединенных чувством землячества и стремлением возвратиться на родину. Сотрудники ОГПУ, занимавшиеся политической фильтрацией вновь прибывших, отмечали: «Среди них встречаются и военнопленные империалистической войны, и бывшие военнослужащие белых армий. Однако эта группа все время держится вместе, очень сплоченна. Старые черкесы очень религиозны и находятся под влиянием своих мулл» [17]. Один из прибывших на «Мавританию» черкесов – участник Корниловского похода Кушу-Кереч, имевший связи с Султан-Клыч-Гиреем, был арестован.

Еще одна группа черкесов, прибывшая 7 июня того же года на пароходе «Эттерхад», имела аналогичные характеристики, вызывавшие настороженность советских спецслужб: «Говорить о безусловной лояльности прибывшей группы в отношении Соввласти нельзя... Группа держится спаянно, крайне религиозна. В бытность белых они занимали в большинстве выборные и административные должности. Из состава группы наиболее подозрительные: Чеучев Бау – бывший офицер, упорно скрывавший свое звание; Дабилов Муртаза Али – дагестанец, тщательно скрывал свое звание муллы; Шовгенов Мишоуст – скрыл свой офицерский чин...» [18]. Основная масса черкесов из данной группы была переправлена в Адыгеево-Черкесский отдел ОГПУ в Краснодаре для дальнейшей фильтрации. Скорее всего, они разделили участь большинства репатрировавшихся участников белого движения, расстрелянных или сосланных большевистскими властями. Однако из Константинополя поодиночке и группами продолжали прибывать черкесы, дагестанцы и представители других народов Северного Кавказа.

Эмигрантская общественность, поддерживавшая идею конфедерации, первое время надеялась, что вслед за политической декларацией последуют конкретные совместные действия лидеров республик и за рубежом и на родине. Однако Конфедерация оказалась политической утопией: сложные, многовековые конфликты, замешанные на религиозной, межнациональной, территориальной почве не позволяли ее участникам выработать общую линию. Предметом острых дискуссий был турецкий фактор, имевший большое (и совершенно противоположное) значение для Армении и Азербайджана, но второстепенный для представителей Горской республики, которые считали, что основное внимание следует уделить угрозе с севера в лице Советской России. У северокавказских делегатов были и другие заботы, мало интересовавшие эмигрантских лидеров Грузии, Армении и Азербайджана, – казачье-горский вопрос и финансовое положение их политической группы. «Павшее правительство горской республики не оставило горской делегации ни сантима, и работа на Северном Кавказе тормозится», – заявляли они [19]. Действительно, если азербайджанские и армянские политические группы в Европе могли опираться на поддержку состоятельных кругов своих диаспор, то северокавказская эмиграция не располагала подобным ресурсом. Что касается потомков северокавказских махаджиров, проживавших в Турции и странах арабского Вос-

тока, то они имели достаточно собственных проблем, связанных с их политическими правами и сохранением национальной идентичности, и тема независимости Кавказа в этот период интересовала лишь отдельных представителей интеллектуальной элиты черкесских и азербайджанских общин.

В 1927 г. Турецкий парламент запретил гражданам страны использование в публичных местах и в печати любых языков, кроме турецкого. Для черкесской и других северокавказских диаспор это явилось негативным фактором в плане сохранения культурно-языковой самобытности. В то же время, именно в этот период в Европе и самой Турции разворачивается издательская деятельность северокавказской послереволюционной эмиграции, осуществлявшей, в том числе, выпуск журналов и сборников на турецком языке, пропагандировавших культуру народов Северного Кавказа и идеи кавказской государственности. Падение социальной роли адыго-абхазской диаспоры в Турции обусловило рост интереса местных черкесов и других кавказских народов к теме Северного Кавказа и Кавказской конфедерации, которые являлись центральными в европейской северокавказской общественной жизни. Потомки махаджиров вслед за новыми эмигрантами начали задумываться о своей возможной роли в судьбе постбольшевистского Кавказа. Вплотением этих замыслов в конце 20–30-е гг. стали письма и статьи «старых турецких черкесов», которые в переводе на русский язык публиковались в европейских центрах российско-кавказского зарубежья.

Вопрос сохранения национально-культурной и языковой идентичности для северокавказского зарубежья в XX веке стоял достаточно остро. Жесткая политика турецких властей в отношении национальных меньшинств и, особенно национальных языков, не могла не вызывать обеспокоенности той части северокавказской интеллигенции, которая тяготела к более демократичной в данном отношении российской и европейской культуре. С другой стороны, в Европе и США гораздо быстрее происходило размытие семейных и религиозных основ жизни диаспор, отход молодежи от национальных традиций.

В 1930 г. правительство Кемаля Ататюрка начало проводить линию на ликвидацию северокавказских политических центров и выдворения из страны лидеров кавказской эмиграции, часть которых была лишена турецкого гражданства. В результате их активность переместилась в Европу, прежде всего, в Польшу, куда, в частности, прибыл внук Шамиля Саид Шамиль, являвшийся одной из знаковых фигур северокавказской политической эмиграции [20]. В Варшаве он вошел в состав руководства «Кавказского национального комитета».

Некоторые представители северокавказской политической и интеллектуальной элиты из числа послереволюционной эмиграции предпочли стать гражданами Турции. В Стамбуле, в частности, обосновался в прошлом видный государственный деятель Кабарды Пшемахо Коцев, скончавшийся в 1962 г. [21]. Просветитель-педагог, основатель школ в дореволюционной Ингушетии, а в период Первой мировой войны – ротмистр Осетинского конного дивизиона Дикой дивизии М. Ч. Котиев (1886–1973), прибывший в Турцию в 1921 г., поступил сначала на военную, а затем на гражданскую службу, был награжден орденом «Истиклал Медальон». При этом он сохранял интерес к кавказской проблеме и стремился оказывать помощь нуждающимся землякам. В течение десяти лет (примерно с 1948-го по 1958 год) М. Котиев издавал на турецком языке общественно-политический журнал «Ени Кавказ» (Новый Кавказ) [22]; а в 50-е гг. явился одним из инициаторов создания в Турции северокавказского культурного общества «Кавказ».

В Анкаре, на доме, в котором жил Магомед Котиев, в память о его выдающейся деятельности была установлена мраморная доска [23]. В турецкой столице до своей кончины в 1935 г. проживал представитель рода владетельных князей Абхазии Д. Л. Шервашидзе [24] и т. п.

В 1920 гг. часть мигрантов с Северного Кавказа влилась в состав северокавказских диаспор в странах Ближнего Востока, причем это их соединение с потомками махаджиров XIX века происходило порой причудливыми путями. Так, сохранилось любопытное мемуарное свидетельство о группе из 27 чеченцев, служивших в начале 20-х гг. в Иностранном легионе в Сирии. Завербованы они были, вероятно, в Константинополе так же как и автор воспоминаний, российский офицер Э. Н. Гиацинтов. Он, в частности сообщает, что чеченские легионеры, не желавшие мириться с палочной дисциплиной и грубостью начальства, вскоре установили контакты со своими земляками, проживавшими вблизи Дамаска, и «в один прекрасный день с их помощью бесследно исчезли» [25].

В Сирии обосновался подполковник Кабардинского конного полка М. К. Анзоров – потомок древнего кабардинского рода, командовавший в период гражданской войны на Кавказе одним из отрядов в дивизии Заурбека Даутокова-Серебрякова. За взятие повторными атаками в конном строю станицы Суворовской он был представлен к производству через чин в генералы; получил ранение, заменяя начальника дивизии Бековича-Черкасского на Царицынском фронте и т. п. Его братья – Аубекир (1881 г. р., капитан) и Темирбулат (1861 г. р., поручик) так же эмигрировали в 1920 г. [26].

Некоторые жители Северного Кавказа покидали родину уже в 30-е гг., скрываясь от репрессий. Например, уроженец села Дигора Цапун Аккоти, активный участник подготовки восстания на Северном Кавказе в 1930 г., после его провала эмигрировал и проживал в Тегеране. 14 февраля 1936 г. он погиб в автомобильной катастрофе. В некрологе он характеризовался как «идеальный горец-рыцарь», который соединял чрезвычайную энергию, смелость, чувство личного достоинства со знанием и образцовым выполнением северокавказских адатов [27].

С середины 20-х гг. наблюдается развитие общественно-политических центров северокавказской эмиграции в странах Западной Европы. В Париже, как главном политическом центре российского зарубежья, обосновались многие бывшие руководители национальных движений на Северном Кавказе и в Закавказье. В середине 1920 гг. в Париже находились лидеры Горской республики Гайдар Баммат, Ахмет Цаликов, Мурат Хатгогу, правитель Кабарды в 1918–1919 гг., князь Ф. П. Бекович-Черкасский. В столице Франции проживали бывший премьер-министр Горской республики Абдул-Межид (Тапа) Чермоев, один из политических лидеров Ингушетии член Ингушского национального Совета Магомед Джабагиев и (до 1924 г.) его брат – первый председатель Парламента Горской республики Вассан-Гирей Джабагиев. Жена Вассан-Гирея Джабагиева Хелена (Лоли) и дочери Халимат и Дженнет в начале 20-х гг. переехали к отцу во Францию при содействии офицеров Тухана (племянника Вассан-Гирея) и Созерко Мальсаговых [28]. Кроме того, в столице Франции обосновались многие представители политической и финансовой элиты Южного Кавказа и Закавказья, взаимодействие с которыми составляло неотъемлемую часть общественной жизни северокавказской общины: председатель правительства автономной Абхазии князь Арзакан (Дмитрий) Эмухвари, председатель правительства Армении Симон Врацян, основатель Грузинской со-

циал-демократической партии и глава правительства Грузии в 1918–1921 гг. Ной Жордания, члены Грузинского правительства Давид Вачнадзе, Ражден Арсенидзе, глава дипломатической миссии Азербайджана во Франции Алимарданбек Топчибашев и др. В 1920–1930 гг. в Париже действовали различные институциональные структуры общественно-политических движений армянской, грузинской и азербайджанской послереволюционной эмиграции. В частности, с середины ноября 1924-го до середины февраля 1925 г. здесь проходил X съезд Армянской революционной партии («Дашнак цутюн») [29] и т. п.

Часть северокавказской интеллигенции в эмиграции отходит от активной политической деятельности: в частности, бывший министр юстиции Кубанского правительства Айтек Намиток начинает заниматься в Париже частной адвокатской практикой, сочетая ее с научно-исследовательской работой. В Турцию А. А. Намиток возвратился в 1949 г. признанным ученым-кавказоведом. (Наиболее известен его труд «Происхождение черкесов», изданный на французском языке в 1939 г. [30].) В то же время, проживавшие во Франции представители черкесской, чеченской и других общин народов Северного Кавказа, активно участвовали в работе обществ взаимопомощи и культурно-просветительных организаций. В межвоенном Париже формируются многочисленные творческие союзы, кружки, землячества российских эмигрантов, в том числе, объединения народов Кавказа и Закавказья. В конце 20–30-е гг. во Франции существовали «Кружок изучения Кавказа», «Союз русских черкешенок», «Осетинское национальное объединение», «Союз армян-офицеров и участников Великой войны» и другие сообщества, объединявшие различные социальные группы в рамках национальных диаспор, ассоциировавшихся с Кавказом в широком смысле этого понятия.

В институциональной структуре кавказского зарубежья во Франции во второй половине 20-х гг. центральное место занимали масонские ложи «Золотое руно» и «Прометей», включавшие, главным образом, политическую элиту грузинской и северокавказской диаспоры. В системе российского зарубежья в Европе в 20–30-е гг. масонские ложи выполняли одновременно роль политических клубов и обществ взаимопомощи и сыграли важную роль в социальной адаптации послереволюционной эмиграции. Масонские организации вели разнообразную культурно-просветительную и научную работу, выступая, в том числе в качестве связующего звена между эмигрантским и европейским сообществом, способствуя развитию политического и культурного диалога между эмиграцией и Западом. Данное направление общественно-культурной деятельности было характерно и для северокавказского зарубежья.

12 ноября 1924 г. в Париже в масонском доме на рю Пюто состоялось учредительное собрание ложи «Золотое руно», в состав которой вошли представители северокавказской, а также грузинской, азербайджанской, армянской и российской эмиграции во Франции. В числе ее основателей были Пхемах Аджигоев, Мурзала Куриев, Айтек Намиток, Осман Чермоев (племянник Тапы Чермоева) и др. 29 апреля 1925 г. был посвящен Гайдар Баммаг. Ложа «Золотое руно» работала в союзе с Великой ложей Франции по Древнему и Принятому Шотландскому уставу. Из-за внутренних разногласий, возникших, по всей видимости, на фоне политических дискуссий о судьбах Кавказа, в «Золотом руно» вскоре произошел раскол, в результате которого возникли ложи «Юпитер» и «Прометей», в самих названиях которых прослеживается намек на достаточно резкое противостояние.

В составе ложи «Прометей», образованной в конце 1926 г.

мусульманами-горцами и несколькими представителями грузинской эмиграции, вышедшими из ложи «Золотое руно», возросло представительство парижского клана Чермоевых: помимо Османа, в первом полугодии 1927 г. в ложу вступили глава семьи Абдул-Межид (Тапа) Чермоев и еще два его племянника – Абу-Бакар и Магомет [31]. Имеются сведения, что деятельность ложи осуществлялась, главным образом, на средства Тапы Чермоева. Финансовую поддержку масонским и другим северокавказским организациям в эмиграции имел возможность оказывать и член-основатель обеих лож, уроженец Терской области М. М. Куриев [32], владевший до революции нефтеносными участками.

В 1928 г. из состава «Прометей» выходят ее грузинские участники, что придает данной мастерской преимущественно северокавказский (и мусульманский) характер. Примерно в это же время общественная деятельность горской эмиграции активно реализуется в более широком поле, а именно, в организации политических партий и движений – «Народной партии вольных горцев Кавказа» (Прага), «Союза народов Кавказа» и «Горского национального объединения» (Париж), а также в издании нескольких журналов. В результате ложа «Прометей» оказалась недолговечной и была усыплена в начале 30-х гг.

Становление и деятельность за рубежом в 1920–1930 гг. организационных структур кавказской эмиграции стимулировались достаточно активным интересом к кавказской теме со стороны ведущих мировых держав – Франции, Германии, Великобритании, США, а также Польши и Турции, видевших возможность использования данных общественных движений для реализации собственных политических и экономических интересов. Все эти государства были заинтересованы в ослаблении, а еще лучше, в расчленении СССР, что заставляло их поддерживать идею Кавказской конфедерации и другие проекты создания на Южном и Северном Кавказе независимых национально-территориальных образований. В то же время, каждая из этих стран, за исключением, пожалуй, Польши, которая была озабочена, прежде всего, угрозой военного реванша со стороны СССР, имели непосредственные виды на азербайджанскую и северокавказскую нефть и другие природные богатства региона.

Французским правительством в 1921 г. была образована особая комиссия во главе с крупным промышленником и политическим деятелем Луи Лушером для изучения кавказского вопроса. Тема Кавказа, его истории, культуры и современного положения вызывала интерес во французских научных и политических кругах. В частности, 17 мая 1923 г. в Ницце состоялась публичная лекция о Кавказе члена русского и французского географических обществ барона Лория [33]. 25 января 1936 г. в Институте международного интеллектуального сотрудничества состоялся доклад Жана Мартэна, главного редактора «Журналь де Женев» и «большого друга народов Кавказа». (Его записки о путешествии по Кавказу, главным образом, по Грузии, в 1920 г., печатались в журнале «Северный Кавказ».) В аудитории присутствовали французские дипломаты, общественные деятели и многочисленная аудитория представителей северокавказской, грузинской, азербайджанской и армянской общин [34].

Одним из ведущих центров северокавказского политического и научного зарубежья 20-х гг. стала Чехословакия. Его развитию способствовала атмосфера «гостеприимной и дружественной чехословацкой демократии», благодарное чувство к которой у кавказской эмиграции «никогда не будет забыто» [35].

В 1924 г. был основан «Союз горцев Кавказа» в Чехословацкой Республике, состоявший «исключительно из занятой учебой горской молодежи» [36], под председательством Мурата Хаттогу (Гаттогу). Основными целями организации была корпоративная взаимопомощь и культурно-просветительная работа. В период «Русской акции» правительство Чехословакии оказывало финансовую поддержку большинству эмигрантских организаций, особенно сообществ ученых и студенчества, в том числе Союзу горцев Кавказа в ЧСР, который получал пособие в размере 3000 крон в месяц.

В Праге в начале 20-х гг. действовал также Горский комитет, секретарем которого был князь Бекович-Черкасский (младший) [37].

В 1926 г. была создана «Народная партия вольных горцев Кавказа», позднее – «Народная партия горцев Кавказа» (НПК) со штаб-квартирой в Праге. В программе партии была поставлена цель создания Независимой Федеративной республики горцев Северного Кавказа, политическая система которой предполагала:

- утверждение всех видов свобод;
- введение всеобщего избирательного права для всех граждан безразличия пола и веры;
- создание системы трудового права («законодательное регулирование всех видов труда»);
- национализацию недр;
- передачу земли крестьянству;
- законодательное обеспечение широкого развития частного предпринимательства в торгово-промышленной сфере, в том числе в освоении природных богатств [38].

Народная партия горцев Кавказа в конце 20-х – 30-е гг. выпускала несколько периодических изданий, пропагандировавших идею независимости Кавказа. В 1927–1928 гг. в Праге издавался журнал «Вольные горцы» (главный редактор – Айтек Кундух), редакция которого декларировала служение идеям свободы национального определения кавказских народов и, в то же время, концепции «общекавказской солидарности» [39].

Журнал «Горцы Кавказа», выходявший в Париже под редакцией Эльмуры Бековича-Черкасского, отличался довольно резкой антирусской и антисоветской риторикой, выступал с критикой лидеров эмигрантского казачества и белого движения за их высказывания, оправдывавшие колониальную политику царской России на Кавказе, и великодержавные устремления. Следует отметить, что идеологи северокавказского политического зарубежья, как правило, демонстрировали симпатии к русской эмигрантской интеллигенции, высказывая, в то же время, сожаление по поводу ее заблуждений и отсталости в понимании кавказского вопроса. «Сплошь и рядом, это прекрасные люди, с большим научным багажом, но раздавленные и зачарованные прошлым беспредельным пространством русской империи, глухие к новой сущности и к новым формам творческой жизни» [40].

26 сентября 1925 г. при Институте изучения России в Праге по инициативе группы кавказской и казачьей эмигрантской интеллигенции было основано «Общество кавказоведения», членами-учредителями которого стали Ф. Т. Аспидов, Е. К. Васильев, С. И. Вершак, В. М. Краснов, В. С. Минахорян, Г. М. Нокашидзе, П. Л. Орлицкий, Т. Ф. Фальчиков, Д. К. Царев, А. Т. Цаликов и Д. К. Эмухвари. Руководителем Общества кавказоведения (председателем бюро) был избран А. Т. Цаликов. Секретарем первоначально был Г. М. Нокашидзе, затем Ф. Т. Аспидов. Создатели Общества стремились интегрироваться в многонациональное русскоязычное сообщество ученых

и общественных деятелей, существовавшее в Русской Праге. Об этом свидетельствует и сам факт организации «Общества кавказоведения» при Институте изучения России и вовлечение в работу Общества ряда видных деятелей науки, издателей, политических деятелей, чьи взгляды были созвучны платформе нового объединения. На его собрания приглашались К. Р. Кочаровский (ставший представителем научной коллегии Института изучения России в бюро Общества), А. И. Пешехон, Г. И. Шрейдер, В. И. Чернов, Е. Д. Кускова, Е. А. Стаминский, С. Баянов, М. П. Звягин, Ф. Е. Шановал, А. Ф. Поляков, Ф. А. Щербина, Г. Г. Айолло и др.

Можно заметить, что актив Общества кавказоведения составляли приверженцы идеи независимости Кавказа, которая в данном случае была заключена в рамки научной толерантности и находила выражение, прежде всего, в выявлении роли Кавказа и его народов в мировой цивилизации. В докладе А. Цаликова на учредительном заседании Общества говорилось: «Общество кавказоведения, являясь строго научным учреждением, не преследующим никаких политических и партийных целей, ставит своей задачей изучение природы, быта, культуры, экономики и политической жизни Кавказа в прошлом и настоящем и ознакомление сданными кавказоведения чехословацких и вообще иностранных общественных кругов» [41]. Собрания Общества проходили, по-видимому, в помещении пражского Земгора и пользовались популярностью в среде российско-кавказской и казачьей эмиграции, а также в либеральных и эсеровских кругах русскоязычной общины в Праге. В письме Общества руководству Института изучения России от 21 мая 1926 г. утверждалось, что его работы «приняли планомерный и постоянный характер, что привлекает к нему все больший круг лиц, глубоко интересующихся содержанием регулярно поставленных докладов и лекций по вопросам кавказоведения (бытовым, экономическим и политическим)» [41]. Обществом пропагандировались культура и искусство народов Кавказа, в частности осенью 1926 г. в Праге им был впервые организован «Вечер кавказцев», на котором выступали танцоры под аккомпанемент квартета народных инструментов [42].

12 февраля 1935 г. в эфире радиостанции города Брно в Чехословакии прозвучала продолжавшаяся около получаса научно-просветительная передача «Полет над Северным Кавказом». Ее сценарий и текст были составлены инженером Мирза-Беком Кулати при участии директора Этнографического отделения Моравского музея доктора доктора Поспешила. В передаче была представлена сцена полета двух ученых над Кавказом. Путешествие начиналось в Туапсе с описания величественных картин природы Кавказа. «Пролетая» над землями изгнанных адыгов, ведущие цитировали рассказ чешского писателя Сватоплука Чеха «Атыге», в котором описывается трагедия черкесских махаджиров. От случайного попутчика путешественники узнавали историю мест, над которыми пролетали. Во время остановок они слушали черкесские песни и знакомились с бытом населения. Полет заканчивался в Дагестане рассказом о личности и судьбе имама Шамиля. Передача получила определенный резонанс не только в черкесской общине ЧСР, но и во всем северокавказском зарубежье. Сообщение о ней было опубликовано, в частности, в варшавском журнале «Северный Кавказ», который, распространялся также в Турции. Интересное содержание и оригинальная форма передачи нашла отражение и в чешской прессе [43]. Так, «Radiojurnal» поместил заметку доктора Поспешила на эту тему и фотографировал горянки в национальном костюме.

Несколько горских организаций в межвоенный период

существовало в Польше. Следует отметить, что в Польской армии в период войны 1919–1920 гг. имелось подразделение татарской конницы («Татарская Язда»), состоявшее преимущественно из горцев. Многие его участники, проживавшие в Польше, поддерживали связи с северокавказской общиной и ее русскоязычной прессой. В Варшавском университете обучались молодые черкесы, чеченцы и представители других этносов Северного Кавказа и Закавказья, которыми был создан «Союз студентов-кавказцев». В середине 20-х гг. в Польше был создан «Комитет независимости Кавказа» (КНК) с участием представителей республик – членов Конфедерации. КНК издавал журнал «Прометей», выходивший в Париже в 1926–1938 гг. В конце 20-х гг. возник «Северо-Кавказский национальный центр» (СКНЦ), предшествовавший в Польше до ее оккупации Германией в 1939 г. В 50-х гг. в Варшаве центром общественно-политической активности кавказских федератов был созданный в 1927–1928 гг. клуб «Прометей», первым руководителем которого стал выходец из Кабардино-Балкарии Таусултан Шакманов представитель НППК [44].

Характерным эпизодом в деятельности данных организаций, поощрявшихся польскими властями, стало активное участие в траурных мероприятиях кончины 12 мая 1935 г. маршала Йозефа Пилсудского, являвшегося для символом победы на российском (и советском) империализмом. 14 мая в клубе «Прометей» состоялось траурное собрание, принявшее решение возложить на гроб маршала траурный серебряный венок с национальными флагами. Кавказская делегация в составе А. Азертекина (Азербайджан), Сунш Магомет-Гирея (Северный Кавказ) и А. Гегечкори (Грузия) 17 мая присутствовала на богослужении в кафедральном соборе св. Яна и на похоронах маршала. Позднее на холм вала Пилсудского была возложена урна с землей с Кавказа [45] и т. п. Организации кавказской эмиграции в межвоенный период действовали в различных странах Европы. Например, в Риге в 30-е гг. существовало общество «Кавказ», объединявшее, по-видимому, представителей северокавказской, азербайджанской и грузинской диаспор в Латвии [46].

Союзниками в своей борьбе за независимость кавказских народов «Народная партия горцев Кавказа» видела зарубежные национальные «прометейские» движения Украины, Белоруссии, Туркестана и других регионов бывшей Российской империи, общим символом которых в кавказской зарубежной прессе был образ Прометея. Их представители нередко приглашались на публичные мероприятия северокавказской эмиграции в различных городах Европы, печатались в кавказских журналах. В свою очередь, идеи горской независимости культурной самобытности кавказцев пропагандировались в дружественных эмигрантских сообществах. Так, например, 29 января 1927 г. в Украинском клубе состоялся доклад члена НППК Ростана-Шафи на тему «Горцы Северного Кавказа и их современные политические стремления», в котором, кроме прочего, были «красочно обрисованы этнографии, обычаи и социальный быт горцев» [47].

На 1927 г. приходилась юбилейная дата – 50-летие восстания Чечни и Дагестана (1877). По этому поводу Народная партия горцев Кавказа устроила в отеле «Граф» в Праге торжественное заседание, на которое были приглашены представители эмигрантских общин народов Северного Кавказа, грузинской, армянской и азербайджанской диаспор, а также украинской, белорусской, татарской эмиграции в ЧСР, кубанского казачества (Ф. А. Щербина) и левой русской общественности (В. М. Чернов). Согласно адатам, председателем собрания

был избран старейший из присутствовавших на мероприятии кавказцев А. Эмухвари. В своем выступлении В. М. Чернов подверг критике политику царского правительства на Кавказе, подчеркнув ее трагические последствия и для горцев и для русских, проливавших свою кровь в результате ошибочных решений властей. Он высказал мнение о положительном влиянии на мир Кавказа русской революции, пробудившей национальное чувство горских народов. Профессор Щербина, выступавший от имени кубанцев, призвал российскую и кавказскую интеллигенцию к мирному разрешению национальной проблемы [48].

В целом, научная и культурно-просветительная деятельность северокавказской эмиграции во Франции, Чехословакии и Польше была сильно политизирована, что выражалось в выборе для исследовательской работы, культурно-просветительных лекций и докладов проблем, связанных с национальной и религиозной политикой царской России и СССР, а также в активном взаимодействии с научными и культурными организациями других эмигрантских общин народов «Прометеев» – украинской, белорусской, туркестанской и др. Эта линия поддерживалась левой чехословацкой общественностью и польскими властями, а также демократическими кругами российской эмигрантской интеллигенции. В 30-х гг. кавказские студенты в Брно устраивали совместно с украинцами дискуссионные вечера, на которых зачитывались рефераты по проблемам истории и современной жизни Украины, Кавказа, Татарстана, Средней Азии. Кавказская секция «Ориенталистического Кола молодежи» в Варшаве устроила 13 марта 1936 г. в Восточном институте доклад Магомета Чукуа «Исторические этапы русского империализма»; большинство слушателей составила польская молодежь. «Союз кавказской молодежи в Польше» организовал доклад Н. Хаджи-Байрамлы «О повстанческом движении на Кавказе 1930 г.» (участником которого был докладчик) и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что сообщество эмигрантов, поддерживавших идею Кавказской конфедерации, представляло собой достаточно малочисленную группу лиц, отличавшуюся высокой политической активностью, но не имевших идейного и организационного единства. Между кавказскими центрами в Праге, Варшаве и Париже постоянно шла борьба за политическое влияние, которая выливалась на страницы эмигрантской прессы в форме разного рода деклараций и взаимных обвинений [49].

Последней попыткой политического объединения на почве конфедеративной идеологии стал созыв в Брюсселе по инициативе варшавского «Комитета независимости Кавказа» Кавказской конференции, завершившейся подписанием 14 июля 1934 г. «Пакта Кавказской конфедерации» Азербайджаном, Грузией и Республикой Северного Кавказа. КНК прекратил свое существование; был создан Совет Кавказской Конфедерации, в компетенцию которого входило «руководство всей акцией национально-освободительной борьбы народов Кавказа, объединенных между собою в целях восстановления потерянной свободы республик Кавказа и объединения их на базе Кавказской конфедерации» [50]. Конференцией был утвержден ряд документов, в том числе, тезисы по докладу «Кавказский вопрос и Россия», призывавшие к объединению всех угнетенных народов большевизма [51].

Реального влияния на жизнь северокавказского зарубежья и, тем более на ситуацию на Кавказе и в Закавказье, эти решения не оказали, но привели к новым конфликтам. В частности, парижская группа горцев во главе с Гайдаром Бамматом вы-

ступила с критикой Пакта, что вызвало новую волну острой полемики в прессе. При этом Гайдара Баммата и его единомышленников обвиняли в сотрудничестве с Добровольческой армией, постоянном пребывании под разными предложениями в годы Гражданской войны за границей и т. п. [52].

Таким образом, северокавказское политическое зарубежье не смогло избежать внутренних разногласий, которые были характерны для всей послереволюционной эмиграции из России. Несколько предпринятых в межвоенный период кавказскими активистскими центрами попыток диверсионных и разведывательных операций против советской власти на Кавказе так же не привели к каким-либо ощутимым результатам. Главной заслугой конфедеративных организаций северокавказской эмиграции в Европе в 20–30-е гг., безусловно, является издательская и культурно-просветительная работа. Помимо пропаганды политических идей, кавказская пресса способствовала распространению информации в области истории, этнографии, культуры и искусства народов Северного Кавказа в русскоязычном пространстве Европы и США, а также в адыгских диаспорах Турции (где часть европейских кавказских журналов издавалась на турецком языке). Общественно-политическое и философское наследие горских мыслителей также представляет значительную научную и культурную ценность [53]. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что институциональная система политической послереволюционной эмиграции является лишь частью мира северокавказского зарубежья в Европе и США.

Между горской интеллектуальной элитой и консервативными кругами белой эмиграции, прежде всего, военным зарубежьем, существовали принципиальные расхождения в трактовке истории российской колонизации Кавказа и особенно в оценке событий и итогов Кавказской войны. Но все же традиции боевого братства и верность некогда данной присяге, а также появление в условиях эмиграции ощущения до-революционной России как общей родины всех изгнанников, для основной массы северокавказского зарубежья в Европе оказывались более значимыми, чем призывы сепаратистов. Большинство представителей российской аристократии и офицерства кавказского происхождения было вовлечено в деятельность белоэмигрантских воинских обществ и союзов, дворянских объединений, корпораций выпускников различных учебных заведений и т. п. Например, генерал К. Н. Хагондоков, кабардинец по происхождению, состоял в Объединении офицеров Генерального штаба, Союзе георгиевских кавалеров, Объединении 2-го кадетского корпуса, Объединении Константиновского артиллерийского училища и др.

В сообществе российской военной эмиграции в странах Центральной и Восточной Европы многие представители Северного Кавказа пользовались авторитетом в качестве участников и руководителей офицерских обществ и союзов, культурно-просветительных организаций и т. п. Например, полковник Ахмет (Ахмат) Тхостов в 1926 г. был избран делегатом Российского зарубежного съезда от русской эмиграции в Болгарии (Позднее, во второй половине 50-х гг. он входил в состав правления Союза георгиевских кавалеров в Париже.) [54]. В Белграде проживал генерал-лейтенант Д. К. Абациев (1857–1936), бывший представителем горских народов в Добровольческой армии [55] в 1926 г. он был избран делегатом Российского зарубежного съезда от русской эмиграции в Югославии. С 1930 г. Д. К. Абациев являлся председателем Суда совести и чести для генералов РОВС.

В северокавказских общинах, в том числе в странах арабского мира, создавались молодежные военно-патриотические

организации, аналогичные тем, которые существовали в системе российского белого зарубежья; например, в Каире в середине 30-х гг. действовала «Черкесская дружина скаутов» [56].

Одной из зон соприкосновения российских эмигрантов с представителями северокавказской диаспоры была совместная служба в вооруженных силах иностранных государств, прежде всего во французском Иностранном легионе, куда было еще в Константинополе завербовано довольно большое количество военной молодежи, из состава эвакуированных белых армий. Как уже говорилось выше, вербовались в Иностранную легион и прибывавшие в Турцию с территории Грузии рядовые участники северокавказских вооруженных формирований. Характерно, что, согласно сохранившимся свидетельствам, последние проявляли симпатию по отношению к русским, служившим в Легионе, воспринимая их как земляков. В Иностранную легион вступали и успешно продвигались по службе представители северокавказской эмиграции во Франции. Известно, что офицерами Иностранного легиона стали чеченец Саид-Эмин (Дайдаш) Тукаев (племянник Тапы Чермоева), ингуш Албогачиев, дагестанец Муратхан Насрулдин [57]. Имя Дайдаша Тукаева было внесено в книгу памяти Иностранного легиона [58].

В составе Иностранного легиона действовал Черкесский кавалерийский эскадрон. Примечательно, что в начале 30-х гг. в Сирии им командовал Николай Румянцев – французский офицер российского происхождения (эмигрировал в 1917 г.), впоследствии бригадный генерал французской армии, кавалер орденов Франции и других стран. Следует также обратить внимание на тот факт, что после Второй мировой войны Н. Румянцев поддерживал достаточно тесные контакты с российским военным зарубежьем, являясь в 50-х гг. председателем Общества галлиполийцев в Марокко и начальником Национальной организации русских разведчиков (НОРР) в Марокко.

Общее поле деятельности для русской и кавказской эмиграции в Европе создавала система взаимопомощи и благотворительности. Например, уже упоминавшийся выше «Союз русских черкешенок» во Франции устраивал благотворительные концерты и балы с участием известных певцов и артистов. Например, в конце января 1930 г. Союзом был организован концерт-бал в пользу больных туберкулезом горцев Северного Кавказа, на котором выступали Е. Автанамова, кн. Мария Вачнадзе, Л. Туманова, Р. Розен, Н. Кедров, Ашим-Хан Мануков, А. Скаржинский и др. [60]. 6 февраля 1932 г. на вечер «Союза осетинков в Париже» выступали Н. В. Плевицкая, А. Н. Вертинский, М. Аксарина, А. Новикова, Алис Кавайджанян, Б. Князев, Тер-Абрамов с оркестром балалаечников и др. [61].

Одной из существенных характеристик северокавказского зарубежья в Западной Европе было внимание к судьбам земляков, проживавшим в Турции, на Балканах, в странах арабского мира. Горскую эмигрантскую интеллигенцию интересовали не только научные проблемы истории и этнографии Кавказа, но и состояние черкесских, чеченских и дагестанских поселений потомков махаджиров, вопросы сохранения ими национальной идентичности и языков. Кроме того, молодежь этих диаспор рассматривалась эмиграцией как дополнительный человеческий ресурс для будущего свободного Кавказа. В августе 1931 г. австрийский ученый Густав Булемэр совершил научную экспедицию в Югославию на Косовское поле, по результатам которой издал статью (*Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien*. № 7–9). По мнению ученого, немногочисленные черкесские поселения в Косово были обречены на исчезновение.

Журнал «Северный Кавказ», опубликовавший обзор статьи Буллемэра, писал: «Северо-кавказская общественность должна... принять все меры, дабы не допустить ассимиляции своих братьев в Югославии. Наши братья на Косовом поле, сохранившие, несмотря на особенно неблагоприятные условия, свой язык и традиции отцов, не могут погибнуть для нас в то время, когда час освобождения уже близок и надежды на возвращение в родные края приняли реальные очертания» [62].

Особняком в мире северокавказского послереволюционного зарубежья стоит североамериканская диаспора, жизнь которой была сосредоточена на социально-экономической адаптации и мало соприкасалась с перипетиями политической борьбы. (Этим она разительно отличается от современной черкесской общины в США, представляющей собой, вероятно, наиболее политизированный сегмент черкесского зарубежья.) По свидетельству мемуариста Жоржа Тускаева, в 20-х гг. «многие... собратья-кавказцы попросили позволения эмигрировать в Соединенные Штаты» [63]. Выше уже говорилось о приглашении в США черкесских эмигрантов из Константинополя. Практически единственным источником сведений об их дальнейшей судьбе является электронная публикация Кадыра Натхо «Черкесы в США» [64]. Он, в частности, сообщает, что данная группа отплыла из турецкой столицы 8 июля 1923 г. на старом греческом пароходе «Константинополь» и прибыла в Нью-Йорк 1 августа того же года. Первоначально черкесские семьи получили приют в Нью-Йорке при содействии «Русского сообщества иммигрантов» (возможно, имеется в виду «Общество помощи русским беженцам» – Russian Refugee Relief Society of America Inc. – В. Е.); затем в течение двух лет они пытались обустроиться в Стамфорде (штат Коннектикут), где мужчинам была предложена работа на одном из заводов. Однако тяжелые условия труда и, главное, чуждое черкесским эмигрантам, принадлежавшим к княжеским фамилиям, социальное окружение американской провинции, вынудили их возвратиться в Нью-Йорк. Несмотря на ограниченные финансовые возможности, они поселились в одном из фешенебельных районов города и достаточно успешно начали устанавливать связи в высшем американском обществе, которое радушно принимало черкесских аристократов. В то же время, им пришлось приложить значительные усилия для преодоления языкового барьера и поиска средств к достойному существованию, а также для хорошего образования детей. Так, князь Кадыр Гирей «работал на протяжении длительного времени в качестве швейцара, рабочего фабрики, таксиста, пытаясь заработать достаточно для того, чтобы содержать свою семью» [65]. Трудясь по 16–18 часов в день, он сумел скопить сумму денег для приобретения небольшого участка земли в южной части Нью-Йорка и нескольких лошадей. Здесь он открыл частную школу черкесской верховой езды под названием «Седло и сапоги». Благодаря своему искусству наездника и княжескому титулу владельца, привлекавшему американскую элиту, школа Кадыра Гирея вскоре завоевала популярность в высшем обществе Нью-Йорка и успешно действовала в течение многих лет. В школе Султан-Гирея обучались верховой езде многие известные личности, в частности, будущая супруга президента Кеннеди Жаклин Бувьё [66]. Гвардии полковник К. С. Султан-Гирей, владелец конюшен в Нью-Йорке, упоминается в числе состоятельных российских эмигрантов, которых Комитет казны великого

князя Николая Николаевича предполагал привлечь к сбору средств в Америке [67].

Следует отметить, что, подобно многим представителям российской дворянской аристократии в изгнании, черкесские дамы избрали для себя сферы деятельности, связанные с искусством и миром моды. В частности, Фатима Ханым после кончины своего супруга Кучука Натирбова, благодаря упорному труду и хорошему вкусу, приобрела сначала репутацию хорошей швеи, а затем и модельера. Завоевав уважение в американском обществе, Фатима Ханым вела культурную и благотворительную работу в рамках северокавказской и российской общины Нью-Йорка.

Некоторые семьи из северокавказских общин во Франции, Бельгии, Польши и других стран также приняли решение переехать за океан, в том числе в Америке впоследствии оказались представители младшего поколения северокавказской политической элиты. Так, в Соединенных Штатах проживала старшая дочь Вассан-Гирея Джабагиева Халимат (умерла в 1981 г.).

Представители народов Северного Кавказа принимали участие в создании и деятельности различных обществ и союзов в Русской Америке. Например, в 20–30-е гг. в Нью-Йорке действовало объединение казаков «Терско-Кубанская станица», в котором состояли казаки-черкесы, кабардинцы, осетины и представители других народов Северного Кавказа. Атаманом станицы четырежды избирался полковник Терского казачьего войска Сергей Иванович (Бимболат) Тускаев, оставшийся на этом посту до переезда с семьей в Стратфорд (штат Коннектикут) в 1940 г. В Лос-Анджелесе в 30-х гг. располагалась Горская казачья станица, атаманом которой неоднократно избирался М. И. Огоев.

Немногочисленная черкесская диаспора в США в межвоенный период находилась в стороне от жизни северокавказского зарубежья в Старом Свете, однако, определенные контакты и общественно-культурные связи между ними существовали. Так, например, варшавский журнал «Северный Кавказ» опубликовал сообщение о кончине в Нью-Йорке 7 августа 1935 г. Гаида Чежокова – бывшего судебного следователя, занимавшего в годы революции ряд выборных должностей в Кабарде. «Вдали от родины отошел в вечность еще один из старших адыгейцев, у кого подрастающая горская молодежь могла бы получить адалат», – говорилось в некрологе [68].

В целом мир северокавказского зарубежья составляет особый, самобытный компонент в многонациональном сообществе российской эмиграции 20–30-х гг. Несмотря на сложности социально-экономической, культурной и языковой адаптации в странах-реципиентах, идейные разногласия и территориальную разобщенность, горская эмиграция стремилась сохранять в изгнании уникальную культурно-ментальную общность Северного Кавказа и, в то же время – своеобразие культуры каждого народа: адыгейцев, кабардинцев, чеченцев, ингушей, аварцев, осетин и др.

Представители кавказской эмиграции послереволюционной волны вошли в свои национальные диаспоры в Турции и странах Ближнего Востока, в том числе в состав научной и военно-политической элиты. Северокавказская интеллигенция в Европе и США достаточно успешно интегрировалась в западную науку и бизнес, а также в систему общественных объединений российской эмиграции.

ТРИДЦАТЬ ДВА ЧЕЛОВЕКА, РАССТРЕЛЯННЫХ В ОДИН ДЕНЬ

Гумар ДЗУЕВ.

«Без права на обжалование» (Документальные очерки по материалам ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, ФСБ 1920–1940 гг.).
Нальчик, 2012. С. 97–118

Передо мной подлинны документы – четырехтомное уголовное дело по обвинению в «политическом бандитизме» Темиркана Шипшева и еще 77 человек. Обвинительное заключение по делу было составлено в г. Ростове-на-Дону 28 июня 1928 г. заместителем начальника 2-го контрреволюционного отдела ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и ДССР Соболевым и утверждено зам. ПП ОГПУ СКК Ереминым. В описательной части обвинительного заключения говорится, что банда Шипшева совершила более 200 вооруженных налетов и ограблений.

Спустя пять дней после утверждения обвинительного заключения оперработником, дело «заслушано» на заседании ОГПУ, почему-то называемым «судебным» и постановлено: расстрелять тридцать два человека, еще одному приговоренному заменить расстрел заключением в концлагерь сроком на 5 лет; заключить в концлагерь: десять человек – сроком на 10 лет, семь – сроком на 5 лет, десять – сроком на 3 года выслать в Сибирь, семь – сроком на три года, троих в Вологодскую губернию – сроком на три года, троих в Калужскую губернию – сроком на 3 года, троих в Орловскую губернию – сроком на 3 года, одного в Пензенскую губернию – сроком на 3 года, а одного осужденного освободить из-под стражи с лишением прав проживания в отдельных губерниях и округах Северо-Кавказского края сроком на 3 года.

Судьбы арестованных по делу были решены на основании обвинительного заключения, без его проверки на судебном заседании, а поэтому в деле и нет протокола судебного заседания, но нет в нем и протокола заседания ОГПУ. Ниже приводится копия документа, по которому арестованные были признаны виновными и каждому назначено наказание.

«Выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ (судебное) от 3 августа 1928 г.

П о с т а н о в и л и:

- 1) Шипшева Темиркана (Темиркана. – Г. Дз.) Магометовича,
- 2) Шарданова Берда Бекмурзович,
- 3) Конова Али Асламурзовича,
- 4) Деревы Исмаила Асланбековича,
- 5) Богатырева Ахметхана Бороковича,
- 6) Шогенова Бекмурза Муссаевича,
- 7) Баканаева Абу-Хаджи Дашаевича,
- 8) Алокова Мурзабека Хакяшевича,
- 9) Алокова Кербека Хакяшевича,
- 10) Алокова Ибрагима Хакяшевича,
- 11) Алокова Джемалдина Хакяшевича,
- 12) Алокова Маша Хакяшевича,
- 13) Алокова Уляца Хакяшевича,
- 14) Мазлоева Тембота Асхадовича,
- 15) Абазова Заракуша Эдиговича,
- 16) Дзараева Умара Дзидаевича,
- 17) Тлапшкова Хамзета Асламбековича,

- 18) Абазова Хабаса Каровича,
- 19) Батырова Гиса Аслангериевича,
- 20) Дигова Гиса Шахимовича,
- 21) Шебзухова Камбулата Темрюковича,
- 22) Мазлоева Шаля Асхадовича,
- 23) Дышекова Темирхана Казимовича,
- 24) Дзадзиева Михаила Борисовича,
- 25) Бжембахова Харли Даутовича,
- 26) Семенова Герандуко Увижуковича,
- 27) Шарданова Юсупа Бекмурзовича,
- 28) Адамокова Джемалдина Сахадовича,
- 29) Гетагажева Артагана Эльбертовича,
- 30) Евлоева Мудара Эскархатовича, он же – Астемиров,
- 31) Коваль Федора Ивановича,
- 32) Шинкарь Григория Исаевича

расстрелять.

- 33) Дышекова Маша Жамботовича – приговорить к высшей мере наказания, но ввиду преклонного возраста ВМН заменить заключением в концлагерь, сроком на пять лет,
- 34) Назарова Пшемахо Темрюковича,
- 35) Берекетова Хамида Керимовича,
- 36) Жерикова Хакяша Ломановича,
- 37) Семенова Али Герандуковича,
- 38) Шогенова Магомет-Гери Муссовича,
- 39) Кажаяева Каншауби Хаматовича,
- 40) Бжембахова Саидена Харлиевича,
- 41) Балова Хапаго Хажимусовича,
- 42) Джемхотова Данильбека Дагаевича,
- 43) Самотопова Ивана Андреевича

заклЮчить в концлагерь, сроком на десять лет.

- 44) Гаштова Маша Исмаиловича,
- 45) Унажокова Канамета Салиховича,
- 46) Жамбекова Бадрака Талустановича,
- 47) Жамбекова Хатута Бадраковича,
- 48) Гетагажева Камбулата Чадиевича,
- 49) Штанько Давида Петровича,
- 50) Москалец Леонтия Васильевича

заклЮчить в концлагерь, сроком на пять лет.

- 51) Абазова Мудара Бекмурзовича,
- 52) Абазова Султана Бекмурзовича,
- 53) Абазова Нагой Бекмурзовича,
- 54) Кумыкова Муссу Исмаиловича,
- 55) Кумыкова Хамзета Исмаиловича,
- 56) Хавпачева Дана Мисхаковича,
- 57) Мазлоеву Ефросинию Семеновну,
- 58) Джемгуразова Адиль Беспановича,
- 59) Кипова Цуко Камботовича,
- 60) Тагилева Така Паскочхаджиевича

выслать через ППОГПУ в Сибирь, сроком на три года.

- 61) Артанова Левона Мисостовича,
 62) Желихажева Исмаила Ахмедовича,
 63) Жамбекова Жамбулата Магометовича,
 64) Абазова Маами Исхаковича,
 65) Гумова Баля Юсуповича,
 66) Гетагажева Ибрагима Хабисовича,
 67) Коваль Ивана Федоровича

заклЮчить в концлагерь, сроком на три года.

- 68) Кудашева Тугана Магометовича,
 69) Губжокова Хамаша Цаговича,
 70) Губжокова Темира Хажумаровича

выслать в Вологодскую губернию, сроком на три года.

- 71) Карданова Талиба Бицуевича,
 72) Мирзоева Бага Эльмурзовича,
 73) Абазова Бекмурза Омаровича

выслать в Калужскую губернию, сроком на три года.

- 74) Берхамова Баго Исхаковича,
 75) Нагоева Дзадзу Ужуковича,
 76) Гендугова Хапота Машашевича

выслать в Орловскую губернию, сроком на три года.

- 77) Аргашокова Бицу Аслангериевича

выслать в Пензенскую губернию, сроком на три года.

- 78) Жамборова Талиба Мусходовича

из-под стражи освободить, лишив права проживания в бп., озн., губ. и округах и СКК, сроком на три года.

Секретарь коллегии ОГПУ».

В отношении 32 несчастных смертный приговор приведен в исполнение через 9 дней после его вынесения, 12 августа 1928 г., о чем был «составлен акт в г. Ростове-на-Дону комиссией в составе замкоменданта ППОГПУ СКК тов. Вакке, дежурн. ком. Смирнова и врача околотка Рассказова». 15 августа 1928 г. полномочное представительство ОГПУ Северо-Кавказского края направило в Москву заместителю председателя ОГПУ тов. Трилиссеру донесение – рапорт и акт об исполнении высшей меры социальной защиты – расстреле Шипшева Темиркана Магомедовича и 31 его единомышленника.

В чем же заключалась вина «политбанды»? Шипшевы и их единомышленники не были коммунистами, но не были они ни богатыми, ни эксплуататорами. Почти все они были бедняками, неграмотными за исключением нескольких образованных уорков. Впрочем, богатство наиболее зажиточных «шипшевцев» равнялось лишь десяткам или сотням голов домашних животных. Но они трезво смотрели на происходящее в стране. Шипшевцы видели, что большевики, поставившие перед собой задачу построения коммунистического общества, употребляют всю свою власть на то, чтобы уничтожить частную собственность и тот слой крестьянства, который обладает навыками, умением и знанием, необходимыми для безбедного существования.

Познакомим читателя с содержанием обвинительного заключения, составленного следователем Соболевым, и другими материалами уголовного дела.

Нетрудно заметить, что обвинительное заключение больше похоже на лекции, читавшиеся в учебных заведениях, красных

уголках, кабинетах политпросвещения в период «диктатуры пролетариата», вплоть до горбачевской перестройки.

«После поражения, понесенного в боях с Красной Армией и советизации Кабардино-Балкарской области, – начинается текст обвинительного заключения, – большинство уцелевшего к. р. феодального дворянства (князя, уздени) Кабарды и Балкарии с примыкавшими к нему представителями к. р. духовенства (шариатисты), национальной интеллигенции и кулачества, принуждено было эмигрировать. Часть наиболее активных лиц ушла в подполье, отсюда и повела вооруженную борьбу с советской властью в формах политического и уголовного бандитизма. В период 1920–1923 гг. на территории национальных областей Северного Кавказа оперировали целый ряд крупных (насчитывающих несколько сотен сабель) банд, возглавлявшихся представителями к. р. дворянства этих областей (Астемиров, Крымшамхалов и другие).

Таким же путем возникла в Кабарде в 1920–1921 гг. известная политическая банда, возглавлявшаяся Шипшевым Темирканом и его соратниками – Шипшевым Туганом, Шардановым Бердом и др. Основное ядро этой банды, вокруг которого группировался (особенно при активных действиях) к. р. и банд. элемент национальных областей, – чрезвычайно компактно в классовом отношении.

В «комсоставе» банды Шипшева находились исключительно представители кабардинской аристократии; банда Шипшева, по существу, являлась классовой организацией кабардинского дворянства.

Так, в основное ядро банды входили: Шипшев Темиркан – дворянин, помещик, Шипшев Туган – дворянин, помещик, Хурзанов Назир – дворянин, Мжагов Джабек – б. офицер, Тлугуров Джабек – б. офицер, Хавжоков Назир – конезаводчик, дворянин, Каншаов Хашпаго – кулак, б. старшина селения при белых, Инароков Темиркан – уздень, Маршанов Алчар – уздень, Хапцев Магомед – дворянин, помещик, Абаевы (два брата) – уздены, Муртазов Халид – дворянин.

Банда оперировала целый ряд лет, действовала на территории нескольких областей (Кабарда, Ингушетия, Чечня, Терек) чрезвычайно интенсивно и была трудноуловимой, имея широкую базу пособников, связей, проводников, посредников, сбытчиков, разведчиков, информаторов и т. д. За все время своего существования банда совершила трудно поддающееся учету количество ограблений поездов, кооперативов, госпредприятий, частных граждан и т. д. Численность банды иногда доходила временами до ста сабель при нескольких пулеметах».

В обвинительном заключении указано, что политбандой совершено ограблений и налетов на территориях: Терек в 1923 г. – 2, 1924 г. – 5, 1926 г. – 5, 1927 г. – 1, Кабарды в 1922 г. – 1, 1923 г. – 2, 1924 г. – 4, 1925 г. – 4, 1926 г. – 5.

Но обвинение не конкретизировано, не указаны время, место, способ совершения преступлений, последствия, фамилии лиц, участвовавших в преступлениях, роль каждого, сведения о потерпевших и т. д. Мало того, в нем огульно говорится, что «остальные вооруженные действия этой банды ввиду огромного количества точному учету не поддаются».

Законом не предусматривалось обвинять людей в преступлениях не конкретизированных, не описанных, тем более в преступлениях, которые не выявлены, не подсчитаны. В деле нет даже протоколов, результатов осмотров мест происшествий, вещественных доказательств, заключений судебно-медицинской и других экспертиз, в том числе по эпизодам об убийствах. Тем не менее осужденные признаны виновными

в не поддающихся учету и не доказанных ограблениях неприятий и граждан, т. е. в неустановленных преступлениях.

Из материалов уголовного дела следует, что в 1921–1922 гг. «Штаб» Темиркана Шипшева находился в Ингушетии, в частности, в Кескоше, Пседоше, Сагопше, и оттуда поддерживал связь с сообщниками в Кабарде. В 1924 г. группа Темиркана Шипшева под давлением ОГПУ перешла в Чечню и находилась там в подполье. Из Чечни Темиркан Шипшев уехал в Дагестан, оттуда – в Ингушетию, а к началу 1926 г. со своим братом Туганом Шипшевым возвратился в Кабарду, где действовал подпольно в Кахуне, Алтуде и других селах вплоть до ареста в марте 1928 г. А Берд Шарданов в 1927 г. уехал в Закавказье и обосновался в г. Сухуме под вымышленной фамилией Якубов.

К концу лета 1926 г. были убиты сподвижники Шипшевых Хурзоков, Хажоков, арестованы и расстреляны Мжагов, Маршанов, Каншаов, Муртазов, заключены в концлагерь Инароков и другие.

В ноябре 1927 г. был арестован Берд Шарданов, гэнэушникам удалось установить, что братья Шипшевы скрываются в сел. Алтуд у братьев Кербека, Мурзабека, Ибрагима и Джемалдина Алоковых. Джемалдин Алоков был муллой и единомышленником известного служителя шариата в Кабарде Касыма Шогенцукова, соратники которого в июне 1928 г. руководили известным антисоветским восстанием в Баксанском округе.

26 марта 1928 г. был арестован житель селения Алтуд Мурзабек Алоков, которого принудили дать показание о местонахождении Темиркана и Тугана Шипшевых. На рассвете 27 марта 1928 г. бойцы ОГПУ Северо-Кавказского края и Кабардино-Балкарского отдела ОГПУ в сел. Алтуд задержали Шипшева Темиркана в доме Мазлоева Тембота, куда он перешел из дома Мурзабека Алокова за сутки до прибытия оперработников. При этом были ранены сотрудник ОГПУ КБАО Тенгизов и Мазлоев Тембот. После долгих переговоров Темиркан Шипшев сдался властям. У него были изъяты карабин русский, 260 патронов в патронташе, револьвер системы «наган» и компас.

В перестрелке был убит Туган Шипшев, который находился в доме Ибрагима и Джемалдина Алоковых. Был арестован Джемалдин Алоков, ранен старшина дивизиона войск ОГПУ Вандышев, «убита одна лошадь». При трупке Тугана Шипшева были обнаружены винтовка английская, револьвер «Смит и Виссон», 204 патрона в патронташе, компас, а у Джемалдина Алокова – револьвер системы «наган».

«Столь долгая неуязвимость Шипшевых, – говорится в обвинительном заключении, – обуславливалась главным образом тем, что идеологически чуждые и прямо враждебные Советской власти элементы, в первую очередь феодально-дворянские, белогвардейские и шариатские, видели в Шипшевых, Шарданове и др. активное средство для борьбы с соввластью. Кроме того, в силу еще не изжитых феодальных остатков для кулаков влияние Шипшевых, в прошлом «старых хозяев», «сильных людей», «было достаточно сильным».

По собственному своему признанию, Темиркан Шипшев начал скрываться от Соввласти с 1920 г. и будучи раненым, лечился в сел. Сагопш.

В Дагестане Темиркан Шипшев скрывался при содействии своего родственника – бывшего начальника управления лесами ДССР Кургоко Шипшева, который был расстрелян позже по приговору ОГПУ по другому уголовному делу.

Кургоко Шипшев устроил Темиркана Шипшева объездчиком Хасавюртовского лесничества, а единомышленника – чеченца Абу-Хажи Баккаева – помощником лесничего в том

же лесничестве. В селе Урус-Мартане у Баканаева скрывались Шипшев Темиркан и Шарданов Берд. В Хасавюрте Темиркан Шипшев скрывался у следователя нарсуда Исмаила Дерва, при содействии которого был устроен на службу Берд Шарданов.

В Чечне, Дагестане и Ингушетии Шипшевым, Шарданову и их единомышленникам оказывали сочувствие, кроме выехавших туда кабардинцев, и местные жители: Тиглевы и Баккаевы в Чечне, Гетагежевы в Ингушетии и другие.

Темиркан Шипшев полагал, что все труды его и Катханова могут быть напрасными, т. к. внутренних сил недостаточно, и решить серьезно вопрос о восстановлении шариата и свержении власти в Кабарде, где пострадали князья, духовенство и крестьянство, возможно лишь при поддержке других государств. Но Шипшев все-таки надеялся на успех, о чем свидетельствуют показания Мурзабека Алокова, что он, Темиркан Шипшев, был намерен создать в каждом кабардинском и русском селениях свою организацию, поднять эти организации на восстание и, если на этот раз оно не будет успешным, уехать за границу.

Для совместного активного выступления против совласти Темиркан Шипшев проводил работу и среди русского и украинского населения Прохладненского района – казачества, разъезжая конспиративно по населенным пунктам и находя в них лиц, поддерживающих его и сочувствующих ему, и внушая им надежду и уверенность в успехе борьбы.

Федор Коваль, арендовавший в селе Алтуд мельницу, снабдил Темиркана Шипшева револьвером «наган», информировал его о настроениях казачества, о тех казаках, которые скрываются от совласти, не хотят больше уживаться с нею и желают к нему присоединиться.

Темиркан Шипшев вел переговоры с Ковалем с целью создания контрреволюционной организации, возлагал большие надежды на Леонтия Москалец и других русских.

Из показаний Кербека Алокова следовало, что он слышал от Темиркана Шипшева о Назире Катханове и Заракуше Мидове как о людях надежных, преданных делу борьбы за восстановление шариата, что Катханов еще в 1923 г. в доме Дышековых в сел. Нартан вел переговоры с Шипшевым об использовании «банды» для убийства Калмыкова.

Далее в обвинительном заключении указано, что ликвидирована контрреволюционная группа Катханова–Мидова, уголовное дело на которых уже расследовано и направлено в коллегия ОГПУ.

По признанию самого Темиркана Шипшева, в 1920 г. он с группой кубанского командира примкнул к отряду Трамова и принял участие в налете на Даутоковский хутор с целью обезоружить милицейский отряд, завладеть оружием и увеличить численность своей группы, поднять восстание в связи с наступлением Врангеля, к войскам которого планировалось потом присоединиться. Налет был неудачным, и налетчики потеряли несколько человек убитыми; в 1921 г. группа Шипшевых находилась в пустующих кутанах Черной речки Чегемского района, куда приехали бывший офицер Тагир Дышеков, затем и группа казаков численностью до 60 человек под командованием знакомого ему офицера, которая сразу же примкнула к отряду Шипшева. Отряд красных под командованием Нартокова, который повел наступление на «политбанду», в полном составе был взят в плен после перестрелки, а Нартоков изрублен. В 1921 г. Темиркан Шипшев был арестован в сел. Кахун и, когда его вместе с арестованными Гери Шипшевым и Лукманом Шебзуховым препровождали в Нальчик, по дороге сбежал с Лукманом Шебзуховым; вместе с Туганом Шипшевым, Уля-

цой и Машей Алоковыми, Беталом Гендуговым и другими из сел. Алтуд в 1922 г. на ст. Докшукино совершили нападение на кооператив, откуда похитили около одной тысячи аршин мануфактуры. В 1922 г., ночью, Темиркан Шипшев с Османом Баковым и Кази Мжаговым во главе группы численностью в 25 сабель совершили нападение на восьмой версте на железнодорожный поезд, шедший из Нальчика в Котляревскую, добыча была ничтожной – несколько советских казначейских билетов и несколько десятков аршин мануфактуры; между селениями Ашабова и Наурузова группа завладела 30 лошадьми крестьян, которых реализовали в Ингушетии; в сел. Кирпич-аул «банда» завладела 80 лошадьми и одеждой, совершила убийство двух милиционеров из небольшого отряда милиции, окружившей их на следующий день в доме Астемирова в сел. Сагопш. Отряд Шипшева в 1924 г. намеревался совершить ограбление и завладение лошадьми в сел. Куркужин, при этом совершив убийство четырех красноармейцев из встретившегося по пути дивизиона из отдела ОГПУ. В 1926 г. Темиркан Шипшев, проживая в сел. Тамбовский-2 в доме у Мурзабека Алокова, вел разговор с Адамоковым о том, что хотели возврата шариата, а получилось другое, что Касым Шогенцуков борется против коммунизма, Назир Катханов режется с Калмыковым из-за шариата и если бы появился лидер, подобный Серебрякову, то весь народ пошел бы за ним, т. к. у крестьян отняли веру, их душат налогами; такого лидера поддерживали бы Касым Шогенцуков, Назир Катханов и Заракуш Мидов, а они, Шипшев с Адамоковым, могли бы выставить 200–300 всадников, недовольных соввластью; Адамоков говорил, что народ больше за Катханова и Шогенцукова и было бы лучше, если Калмыкова заменил Катханов или другой, тогда не было бы столько невинных расстрелов.

Темиркан Шипшев следователю показывал также, что за весь период с 1920-го по март 1928 г., скрываясь от властей в Кабарде, Ингушетии и других местностях, он бывал исключительно у тех, кому верил безгранично и которые, как и он, были недовольны существующим строем и порядком, все эти лица великолепно знали, кто он, что он ведет борьбу с соввластью, они сами были врагами соввласти и ждали конца этой власти, а на него, Шипшева, возлагали большую надежду в том, что он станет во главе восставших против соввласти.

Активный участник «политбанды» Берд Шарданов о себе и о своих деяниях показал: в 1914 г. он добровольно ушел на фронт, где ему был присвоен чин прапорщика; после возвращения с фронта поставлял лошадей для армии; после установления в 1918 г. Советской власти в Кабарде его стали преследовать новые власти, поэтому вынужден был спрятаться от них, имущество его было конфисковано; при белых был переводчиком при первом Кабардинском полку; в 1920 г. был арестован органами соввласти и выслан в г. Псков, откуда возвратился в Кабарду в 1921 г. Заракуш Мидов и Касым Шогенцуков предупредили его быть осторожным ввиду возможного ареста; по совету Али Абукова и Касыма Шогенцукова ушел в подполье, перебравшись в сел. Сагопш в Ингушетию, где связался с Османом Баковым, Кази Мжаговым и другими единомышленниками; осенью 1922 г. с Хурзоковым участвовал в ограблении крестьян на Пятигорских дорогах и в сел. Аргудан в угоне лошадей; в 1923–1924 гг. прятался в сел. Кискем; в 1925 г. жил конспиративно в Чечне в сел. Урус-Мартан в доме Баканаевых; в том же году переехал в Хасавюрт и там поступил на службу в лесничество под вымышленной фамилией Якубов; отсюда с Темирканом Шипшевым и Али Коновым уехал в Батум, затем – в Сухум к своему племяннику Касыму Шарданову, где был арестован в ноябре 1927 г.

То, что Шипшевы и их сподвижники были борцами против жесткой политики Советской власти, преследовавшей идеологических противников, уничтожавшей невинных людей и служителей религии, видно из показаний Берда Шарданова на следствии.

«О Кабарде у нас, среди скрывающихся кабардинцев, – показывал Шарданов, – разговоры бывали частые, говорили о том, что Калмыков перестрелял все дворянство и духовенство, уничтожил веру и шариат, что, если бы не Калмыков, то этого ничего не было бы; вели разговоры также о борьбе двух течений – Мидов, Катханов, Шогенцуков – с одной стороны, и Калмыков – с другой; первые добивались возвращения шариата и предлагали вести работу среди населения в этом направлении; мы проводили также совещания по поводу того, как помочь Катханову и Шогенцукову в борьбе с Калмыковым; на одном из совещаний мы пришли к выводу, что необходимо убить Калмыкова, правда, я был против этого, большинство, а в особенности Шипшевы, боялись за проведение этого плана в жизнь, это совещание было в сел. Сагопш в 1923 г.»

Можно верить показаниям Шарданова, а можно и сомневаться в них, но необходимо помнить о том, что признательных показаний гяпзушники добивались не дозволенными методами. Впрочем, показания Шарданова подтверждают события тех лет.

Далее из показаний Шарданова следует: «В 1922–1923 гг. в сел. Сагопш Шипшев собрал человек пять; там были Мжагов, Хурзоков, Клугуров и другие. Меня вызвали от Бакова Османа. Все до меня приняли присягу никому ничего не говорить. Темиркан мне рассказывал, что в сел. Клишбиевское он был у Дышекова, который, кажется, является родственником Катханова; там виделся с Баширом Катхановым, который рассказал о том, что Назир Катханов должен был приехать в Ингушетию, а Темиркан и все мы должны были поехать в Кабарду для того, чтобы убить Калмыкова. Убить его мы должны были во время охоты выше местности Гедуко; Назир Катханов, будучи у нас, гарантировал бы, что там не будет ни засады, ни милиции; мотивом убийства было то, что мы не будем принуждены скрываться; я выступил против».

Другой активный участник движения, возглавляемого Шипшевым, Али Конов показал на следствии, что он служил в отряде Серебрякова, а затем был назначен старшиной сел. Коново, после прихода соввласти в движении Шипшева принимал участие как уздень; скрылся в Абхазии в 1921 г., служил в милиции в г. Гагры, осенью 1922 г. выехал в ДССР, в Дербент, позже – в Хасавюрт, где работал в лесничестве, куда был устроен шурином Кургоко Шипшевым. В 1923 г. в Хасавюрте с ним работал и Берд Шарданов под именем Ахмеда Якубова.

В 1926 г. Конов и Шарданов по совету Баканаева, который предупредил их о возможном аресте, выехали в г. Баку и проживали там некоторое время, отсюда переехали в Абхазию и там работали до ареста в 1927 г. Ниже приводятся анкетные данные и обвинения, выдвинутые против Шипшева Темиркана Магомедовича и некоторых репрессированных по делу лиц.

Шипшев Темиркан Магомедович, в 1928 г. ему был 41 год, был женат на Кунане, имел дочерей Тамару и Ляну, сына Азраиля, проживал в селе Кахун КБАО, владел с отцом землей, уорк, грамотный-самоучка, беспартийный, ранее не судимый. Был обвинен в том, что с 1920-го по 1927 г. возглавлял политическую банду в целях борьбы с советской властью на Северном Кавказе, достигавшей периодически до 100 сабель при пулеметах; совершил 29 ограблений, вел бои с отрядами Красной армии, ОГПУ и милицией; в 1921 г. разбил отряд милиции на хуторе Карагач, во время боя был убит начальник милиции

Нартоков; на 8-й версте от ст. Котляревской в 1924 г. в банде вел бои с дивизионом ОГПУ, при которых были убиты 4 красноармейца; вел работы по созданию контрреволюционной организации с участием казаческих элементов с целью подготовки восстания и свержения соввласти; 27 марта 1928 г. при его аресте в селе Алтуд оказывал вооруженное сопротивление группе войск и сотрудникам ОГПУ и ранил сотрудника Каббалкотдела ОГПУ Тенгизова, т. е. обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных п. 2 ст. 58 и п. 3 ст. 59 Уголовного Кодекса РСФСР.

Шарданов Берд Бекмурзович, 45 лет, дворянин, помещик, уроженец сел. Шалушка, грамотный, служил при царизме в звании прапорщика в Дикой дивизии, административно выселялся в 1920 г. в Костромскую губернию. Был обвинен в том, что в 1921–1925 гг. являлся ближайшим и активнейшим соратником Темиркана Шипшева по руководству политической бандой, оперировавшей в целях вооруженной борьбы с соввластью на территориях ряда областей Северного Кавказа; как один из руководителей совершил до 30 (зарегистрированных) вооруженных налетов и ограблений; в 1925 г. вместе с Темирканом Шипшевым разрабатывал план вооруженного налета на г. Нальчик; до отъезда в г. Сухум, где скрывался под вымышленной фамилией, активно участвовал в контрреволюционных действиях руководителей банды.

Конов Али Асламурзович, 1896 г. р., уорк, уроженец сел. Куркужин, женатый, грамотный, беспартийный, бывший при белых старшиной сел. Коново, служивший рядовым у белых в 1918 г., ранее не судимый, обвинен был в том, что он с 1920-го по 1922 г. скрывался в Абхазии, в 1924 г. – в Хасавюртовском округе, где работал в лесничестве в качестве заведующего лесным складом и укрывал главарей политбанды Шипшева Темиркана и Шарданова Берда; являлся сбытчиком награбленного имущества. Место жительства г. Тагры, Абхазия.

Богатырев Ахмедхан Борович – бывший начальник адм. отдела Малокабардинского округа, член ВКП(б), с 1920-го по 1926 г. – старший милиционер, начальник милиции этого округа, был обвинен в ограблении казаков в 1926 г. и укрывательстве бандита Мжагова Кази.

Адамоков Джемалдин Сахадович, уроженец сел. Алтуд, мulla, обвинен в том, что он являлся шариятистом, соратником Катханова и Шогенцукова, давал Шипшевым контрреволюционную информацию о настроениях и возможностях свержения Соввласти путем вооруженного восстания.

Дерев Исмаил Асланбекович, 33 года, уроженец сел. Касаево КБАО, не женатый, с шестиклассным образованием, беспартийный, работавший секретарем председателя Совета правления Кабарды Бековича-Черкасского, бывший частный поверенный, бывший нарсудья сел. Губдень ДССР, обвинен в том, что в 1923 г. имел личные встречи с бандитами банды Шипшева – Тляруговым, Маршеновым и Инароковым; в 1925 г. в Хасавюрте укрывал у себя главаря политической банды Шипшева Темиркана и при отъезде последнего в Чечню снабдил его денежными средствами, советовал ему не сдаваться; в том же году через Конова Али устроил на службу в лесничество политбандита Шарданова Берда под вымышленной фамилией Якубов; был активно связан с бандитами Шипшевым Темирканом, Шардановым Бердом, Коновым Али, Тлугуровым, Инароковым, Маршановым.

Абазов Бекмурза Омарович, 75 лет, уроженец сел. Кахун, кабардинец, неграмотный, обвинен в том, что являлся аталыком Шипшевых, укрывал их в 1920–1923 гг. в своем доме, давал им продукты питания и патроны.

Берхамов Баго Исхакович, 47 лет, уроженец сел. Баксан, имеет жену Нану, урожденной Соблировой, 40 лет, сына Хамида 17 лет, хлебороб, беспартийный, ранее не судимый; обвинен в том, что в 1921 г. виделся с Шипшевым Темирканом в г. Кисловодске и в своем доме, купил у него лошадь, уплатив воз кукурузы.

Абазов Мудар Бекмурзович, комиссар сел. Алтуд, кандидат в члены ВКП(б), обвинен в том, что дал Шипшеву Темиркану продукты питания и винтовку.

Карданов Талиб Бацуевич, обвинен в том, что являлся аталыком Шипшевых и принимал их в своем доме и давал им продукты в 1922–1923 гг.

Читатель, видимо, обратил внимание на то, что Темиркан Шипшев был признан виновным в убийстве четырех красноармейцев, фамилии которых в деле не указаны. Но в деле нет данных и о причине смерти неизвестных красноармейцев, и из какого оружия они были убиты. Не указано также с кем Шипшев совершил эти преступления, кого он ограбил, какое имущество, ценности и на какую сумму он похитил у потерпевших, какими доказательствами подтверждено обвинение.

А обвинение Б. Шарданова в совершении «до 30 (не зарегистрированных) налетов и ограблений» нельзя считать юридическим выражением. Неясно, в совершении каких конкретно и какого количества преступлений он обвинен. Шарданов признан виновным в каких-то незарегистрированных, неизвестных преступлениях. Неизвестно, на кого Шарданов совершил налеты, кого он ограбил и каким имуществом завладел.

Тридцать два человека, приговоренных к смертной казни, вина которых более чем сомнительна, были расстреляны через 9 дней после заседания коллегии ОГПУ. Некоторые осужденные, приговоренные к другим мерам наказания, в надежде на какое-то снисхождение, гуманность властей, посмели обжаловать приговор. Таких жалоб всего несколько. 75-летний Бекмурза Абазов, сосланный в г. Калугу, обратился к начальнику Калужского отдела ОГПУ с заявлением: «Семью оставил в самом беспомощном состоянии, жена – больна, дети многочисленные, началась зима, нужно их одеть, обувь; осужден внезапно и не имел возможности поручить кому-нибудь следить за семьей. Я глубокий старик, больной, три года, которые мне суждено провести в ссылке, являются вечностью. Прошу войти в мое положение и разрешить мне на один месяц выехать в отпуск на родину, чтобы я мог в последний раз видеться с семейством и поручить кому-нибудь следить за семейством, и также взять необходимые продукты...»

Заявление неграмотного Бекмурзы Абазова было написано грамотно, красивым почерком, видимо, кем-то по просьбе жалобщика. Читатель, возможно, уже догадался о результатах рассмотрения жалобы Бекмурзы Абазова. Вот «заключение – выписка» из письма коллегии и начальника ОПР ОГПУ Шанина от 12 ноября 1928 г. в секретариат Председателю ВЦИК с пометкой «секретно»: «Абазов Бекмурза Омарович, 75 лет, хлебороб, Карданов Талиб Бацуевич, 75 лет, хлебороб, Мирзоев Баго Эльмурзович, 71 год, хлебороб – обвинялись в систематическом пособничестве бандитам на Кавказе. Постановлением коллегии ОГПУ от 3 августа 1928 г., последовавшем на основании и разрешения Пред. ЦИК СССР от 9.06.28 г., высланы в Калужскую губернию сроком на 3 года каждый. В силу изложенного, удовлетворение ходатайства об изменении меры социальной защиты нежелательно».

Так, репрессивная машина безжалостно и без разбора расправлялась даже с многодетными стариками, простыми

хлеборобами, заподозренными в симпатии к противникам нового режима. Шипшев, Шарданов и их соратники вели борьбу справедливую, они верили, что советской власти все равно придет конец, частная собственность и религия будут восстановлены, но считали, что произойдет это после объединения всех антисоветских сил.

Ныне, когда советская власть упразднена, кто же теперь Шипшевы и их сподвижники, боровшиеся с советской властью в начале ее зарождения и приближавшие ее крушение? Политбандиты? Уголовники? Герои? Не пора ли разобраться с этим и реабилитировать всех тех, кто еще не реабилитирован?

По настоящему делу реабилитированы лишь несколько осужденных. Видимо, пора вновь пересмотреть дело полностью. Постановление-приговор, которым они осуждены, вынесен не судом, а заседанием коллегии ОГПУ. А предварительное следствие, послужившее основанием для их наказания, велось с грубым нарушением закона.

Невозможно подсчитать, да нет такой единицы измерения, чтобы установить сколько невзгод, лишений, нищеты, жестокости, физических и нравственных страданий повлекло одно только постановление коллегии ОГПУ от 30 августа 1928 г. по настоящему уголовному делу. А сколько было таких постановлений выполнено за десятки лет по Кабардино-Балкарии и по огромной Советской империи. Никто этого не знает и никогда не узнает. Но, быть может, когда-нибудь будут реабилитированы все репрессированные по политическим мотивам, все противники советской власти.

Тридцать два жителя Кабардино-Балкарии были расстреляны в один день, 12 августа 1928 г., в городе Ростове-на-Дону. Этот день был поистине кровавым, трагедией для маленького региона, именованного автономной областью. К сожалению, мало кто помнит об этой трагедии, или знает о ней. Среди тех, чьи жизни погублены, шесть сыновей Хакаяши Алокова из кабардинского селения Алтуд, вина которых заключалась лишь в симпатии к руководителям «политбанды».

По одному только уголовному делу из восьми кабардинских фамилий: Алоковых, Абазовых, Бжамбаховых, Жамбековых, Кумыковых, Мазлоевых, Шардановых и Шипшевых были репрессированы 28 мужчин и одна женщина:

Алоков Мурзабек Хакаяшевич – расстрелян
Алоков Кербек Хакаяшевич – расстрелян
Алоков Ибрагим Хакаяшевич – расстрелян
Алоков Джамалдин Хакаяшевич – расстрелян
Алоков Маша Хакаяшевич – расстрелян
Алоков Уляца Хакаяшевич – расстрелян

Абазов Бекмурза Омарович – сослан в Сибирь
Абазов Мудар Бекмурзович – сослан в Сибирь
Абазов Султан Бекмурзович – сослан в Сибирь
Абазов Нагай Бекмурзович – сослан в Сибирь
Абазов Заракуш Эдигович – расстрелян
Абазов Маами Исхакович – заключен в концлагерь
Абазов Хабас Карович – расстрелян

Бжамбахов Харли Даутович – расстрелян
Бжамбахов Саидин Харлиевич – заключен в концлагерь

Жамбеков Бадрак Талустанович – заключен в концлагерь
Жамбеков Хатута Бадракович – заключен в концлагерь

Кумыков Муса Исмаилович – сослан в Сибирь
Кумыков Хамзет Исмаилович – сослан в Сибирь

Мазлоев Тембот Асхадович – расстрелян
Мазлоев Шаля Асхадович – расстрелян
Мазлоева Ефросинья Семеновна – сослана в Сибирь

Шарданов Берд Бекмурзович – расстрелян
Шарданов Юсуп Бекмурзович – расстрелян
Шогенов Бекмурза Мусович – расстрелян
Шогенов Магомед-Гери Мусович – заключен в концлагерь

Шипшев Темиркан Магомедович – расстрелян
Шипшев Туган Магомедович – убит при задержании.

Мыслимо ли представить, сколько горя и страданий власть обрушила во имя построения «счастливого общества» на долю 75-летнего Хакаяши Алокова и его жены 70-летней Лат Одыжевой, шестеро сыновей которых в одно мгновение отправлены на тот свет, будучи абсолютно беззащитными перед огромной государственной репрессивной машиной. Алоковы были хлеборобами, жившими, как записано в уголовном деле, на средства, получаемые от работы по сельскому хозяйству, беспартийными, неграмотными.

Джамалдину Алокову было 20 лет от роду, он не был женат; арестован 27 марта 1928 года.

Мурзабеку Алокову был 21 год, был женат на Чацине – 27 лет, имел дочерей: Салисат – 7 лет, Шаризат – 7 лет.

Уляце Алокову было 27 лет, имел жену Куаракуа – 25 лет, дочь Минсурат – 7 месяцев; арестован 29 марта 1928 года.

Маше Алокову было 32 года, был женат на Дахажан – 23 года, имел дочерей: Жануса, Кураца – 5 лет, Леля – 3 года, Каражан – 4 года, Фатимат – 14 лет, Шарифа – 11 лет, Фица – 5 месяцев; арестован 27 марта 1928 года.

Ибрагиму Алокову было 25 лет и он не успел жениться.

А 47-летний Кербек был женат на 40-летней Хамуковой Таибат, имел дочерей: Цоца – 13 лет, 8-летнюю Мадинат, Азинат в возрасте 1 месяца, еще сына Шауаб.

Как сложились судьбы заключенных в концлагерях и сосланных в отдаленные районы империи? В уголовном деле подшита справка – донесение о смерти одного из несчастных осужденных по делу (вх. № 493/С – 793/С – 4570 уч. На № 513301 В.О.Р. ОГПУ – УСЛОН), в которой сообщается, что «31.12. 1928 г. умер заключенный Жамбеков Жамбулат Магометович, осужденный кол. ОГПУ 3/8 – 28 г. по 17. 59/3 ст. УК сроком на 3 года, считая срок 03.08. 1928 г. Нач. общ. п/о А/о (Берлин) начальник УСО А/о (Козловский)». Справка составлена на фирменном бланке управления Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН) в январе 1929 года за № 12553, адрес: ст. Кямь Мурманск, Ж.Д.О. Соловки.

А сосланный в Сибирь сроком на 3 года Кумыков Мусса Исмаилович умер в конце 1939 года. Бедняга вместо 3 лет отбывал 11 лет каторги в Сибири. Возможно, он был осужден еще в ссылке за какое-то преступление. Но тогда справка о его смерти должна была быть подшита в том, другом деле, если таковое на него было заведено. Вот копия документа о смерти М. И. Кумыкова:

«Акт о смерти.
Совершенно секретно.
Спасск, бывший до того Джекказган.

Мы ниже подписавшиеся: нач. спецчасти Игнатъев, нач. санчасти м/с Ермаков и нач. больницы врач Веклич составили

настоящий Акт в том, что 31 декабря 1939 года в лагерном отделе № 2 степного лагеря МВД умер заключенный Кумыков Мусса Исмаилович, 1884 г. р. № дела СР – 65, уроженец селения Алтуд Прималкинского района КБАССР ».

Заведующий отделением Баксанской райбольницы Анатолий Камботович Берхамов рассказал автору этих строк о том, что осужденный по настоящему делу Баго Исхакович Берхамов, который доводился ему братом родного дедушки Темрюко Исхаковича Берхамова, после 3 лет ссылки в Орловскую губернию, вернулся домой. В 1937 году, как-то утром, находясь дома во время завтрака, Баго Исхакович Берхамов, увидев шедшего к ним в дом единственного тогда в Баксане милиционера, сказал своей жене Нану: «Он идет за мной». Его слова оправдались. Милиционер увел его, не сказав по какой причине, и с тех пор родственникам ничего о нем не известно: осужден, выслан или убит? Все попытки узнать что-либо о его судьбе не увенчались успехом.

Единственный сын Берхамова Б. И. Хамид был партийным работником, тоже репрессирован, еще до войны. А у Хамида Баговича было два сына: Михаил и Борис. Борис умер в 1996 г. в г. Баксане в добротном каменном доме дедушки, конфискованном в 30-х годах, а в 60-х годах через суд возвращенным потомкам. Старший сын Хамида Баговича Михаил стал известным ученым-химиком, доктором наук, заведовал кафедрой органической химии в КБГУ, скончался в г. Нальчике 5 февраля 1997 года. Сын Михаила Аслан имеет семью, проживает в г. Нальчике. Жена Баго Исхаковича Берхамова Нану и бабушка по матери автора этих строк родные сестры, урожденные Соблировы.

Известный историк Кабардино-Балкарии Олег Опрышко исследовал, насколько это возможно, жизнь и деятельность некоторых героев нашего очерка и увлекательно рассказал о них в своих последних книгах. Так, из книги Олега Опрышко «На изломе времен...» (Нальчик, 1996) в очерке «По делу № 956» читатель узнал о том, что кабардинский уздень из селения Шалущка Берд Бекмурзович Шарданов приходился внуком известному общественному деятелю Кабарды Якубу Магометовичу Шарданову. Его сыновьям за заслуги отца перед Россией в 1858 г. императорским Указом было пожаловано звание потомственного российского дворянства с занесением в «Дворянскую родословную книгу». Старший брат Берда Шарданова Батырбек Шарданов имел в Екатеринодаре выстроенный по собственному проекту двухэтажный особняк, второй этаж которого он передал городу, чтобы в его залах городские власти устроили постоянную картинную галерею. В том же доме Шарданова в Краснодаре в настоящее время находится музей изобразительных искусств. Батырбек Бекмурзович был известным историком-этнографом, публицистом, общественным деятелем. Его младший брат, Берд Шарданов, 1886 г. р., окончил горскую школу, представлял шалущкинцев на съездах доверенных Кабарды и 5 горских обществ, имел 2 дома – 1 капитальный в Шалущке, другой солидный кирпичный особняк в Нальчике. Братья Шардановы были одними из самых крупных коннозаводчиков. По сведениям от 2 марта 1911 г., «коннозаводчики потомственные дворяне братья Шардановы – Батырбек, Иссуф и Берд имели 204 конематки и 20 жеребцов; с 1912 г. Берд Шарданов жил с семьей в Екатеринодаре. В 1917 г. Батырбек сделал Берда своим наследником, выдав через Кисловодского нотариуса прапорщику Берду Бекмурзовичу Шарданову доверенность на полное распоряжение, управление и заведование всем имуществом, принадлежащем «инженеру путей сообщения Батырбеку Шарданову». Далее

Олег Опрышко рассказывает о том, что Берд Шарданов одним из обвиняемых проходил по делу № 956. Из заключения военного следователя следует: «Шарданова Берда, как контрреволюционера, как по своему классовому, так и психологическому положению выселить в один из центральных городов России». 8 сентября 1920 г. Терская областная ЧК постановила: Шарданова отправить в концентрационный лагерь до конца гражданской войны. Корнет Шарданов был отправлен в Псковский концлагерь № 943, где содержался до весны 1921 г. Согласно справки начальника лагеря от 26 марта 1921 г. «Шарданов выбыл из Псковского концентрационного лагеря распоряжением Главного управления общественных работ и повинностей народного комиссариата внутренних дел». В 1922 г. Шарданов был занесен в «список находящихся в бегах контрреволюционеров Нальчикского округа». «По некоторым сведениям, – пишет Опрышко, – в 1927 г. Берд Шарданов находился в Сухуми, где у него, видимо, оставались знакомые еще с дореволюционных времен, когда он жил в Кубанской области, и по службе в Черкесском полку, в рядах которого служили абхазы». Последние строки убеждают, что Опрышко не был знаком с уголовным делом № 9916, по которому Берд Шарданов был осужден в 1928 г.

В другой своей книге «Бывают странные сближения...» (Нальчик, 1993) О. Опрышко рассказывает, что Бекмурза Муссович Шогенов (осужденный по настоящему делу. – Г. Дз.) служил в составе Кабардинского конного полка с августа 1914 г., был награжден четырьмя боевыми орденами. Высочайшим приказом от 16 октября 1916 г. Шогенов был произведен «за выслугу лет в коллежские ассесоры» – чин, который по таблице о рангах приравнивался к капитану, и поэтому Бекмурза Шогенов входил в офицерский состав полка и носил военную форму. Находясь в действующей армии, Бекмурза Муссович по-прежнему оставался активным деятелем «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев (балкарцев) Нальчикского округа», оказывая ему финансовую поддержку, а приезжая в отпуск в Нальчик, осуществлял свои прямые общественные обязанности. Во второй половине июля 1917 г., когда Кабардинский полк вышел из зоны боевых действий, доктор Шогенов отбыл в очередной отпуск в Кабарду, в родное сел. Верхнее Кожоково (Жемтала), привез семечки и саженцы плодовых деревьев и кустарников. В Верхнем Кожокове доктор Шогенов вместе с братьями высадил около усадьбы отца первый в селении фруктовый сад, частично сохранившийся до наших времен и известный среди жителей Жемталы как «Шогеновский сад». В этом селении и поныне с уважением и любовью вспоминают о Шогенове...

10 марта 1920 г. в Нальчик вошел революционный отряд под командованием Назира Адильгериевича Катханова. Сотрудники милиции и политбюро ЧК арестовывали тех, кто служил в белой армии, но в надежде на милость победителей остался в родном краю. Подвергались арестам и их близкие... В Нальчикской тюрьме оказался и бывший врач Кабардинского полка доктор Бекмурза Шогенов вместе со своим младшим братом Магомет-Гиреем, двоюродным братом Тембулатом и дядями Бердом и Амзи.

Осенью были освобождены из заключения доктор Бекмурза Шогенов и его родственники, после чего он уехал в Чечню и работал заведующим поликлиникой в Серноводске. Бекмурза Шогенов и его младший брат Магомет-Гирей Шогенов были женаты на родных сестрах Хаджет и Мулит Шипшевых, которым приходился двоюродным братом известный нам Темиркан Шипшев. В начале 1928 года Бекмурза Шогенов поспешил на помощь к своему раненому чекистами шурина

Туте Шипшеву, тайно встречавшемуся с двоюродным братом Темирканом, помог раненому, извлек из раны пулю, вернулся в Серноводск. По чьему-то доносу в Серноводск из Нальчика приехали чекисты, арестовали Бекмурзу, затем взяли и его младшего брата Магомет-Гирея.

Что было дальше читателю уже известно.

По настоящему уголовному делу реабилитировано более 50 осужденных. (В приложении приводится архивная справка Федеральной службы безопасности России по Кабардино-Балкарской Республике от 28 декабря 2005 г. № 259, в которой указаны фамилии, имена, отчества, возраст и др. данные реабилитированных и не реабилитированных по данному делу.)

ССЫЛКИ И ВЫСЫЛКИ КРЕСТЬЯН, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

О. О. АЙШАЕВ,

кандидат исторических наук

Мероприятия партии и советского правительства по уничтожению кулака как класса стали причиной массовых переселении зажиточных крестьян (кулачества) в города и промышленные центры, где они вынуждены были укрываться, под видом батраков и бедняков, устраиваться на работу на промышленных предприятиях, на стройках и т. п. В целях ужесточения контроля за ними в Кабардино-Балкарии 5 февраля 1930 года областным административным отделом был издан Приказ № 1/с/с 1, обязывавший немедленно принять конкретные меры к наблюдению за кулаками и пресечению уклонений от принимаемых в отношении их мер, а также бегов с постоянного местожительства в города и промышленные центры; установить тщательное осведомление и наблюдение за каждым выезжавшим кулаком, за его местопребыванием, сообщать, где он остановился, и его принадлежность к кулацкому элементу; вести наблюдение и в корне пресекать всякие попытки кулаков к сбыту и уничтожению своего движимого и недвижимого имущества, особенно сельхозинвентаря и скота; составить на всех уезжавших кулаков списки, удостоверенные сельскими Советами, о их принадлежности к кулачеству, переслать эти списки в соответствующие административные органы по месту пребывания – для принятия надлежащих мер, копию такого списка обязательно перепроводить в одном экземпляре в областной административный отдел.

16 февраля 1930 года под грифом «Секретно-лично» облисполком направил всем председателям окрисполкомов телеграмму, где предложил «воспрепятствовать самовольное переселение кулацких хозяйств, применить к разбазаривавшим имущество все меры законного воздействия, вплоть до конфискации имущества», со всей решительностью применить «все меры воздействия на кулака, не выполняющего или не выполнившего государственные задания (хлебозаготовки, самообложение, целевые вклады и проч.) или нарушающего постановления органов власти».

Вместе с тем, в той же телеграмме председателям окрисполкомов предлагалось «воздержаться или прекратить там, где это проводится бессистемное массовое выселение кулаков (не нарушающих существующих законоположений и выполнивших государственные задания) впредь до получения на то особых распоряжений».

Телеграммы такого же содержания окрисполкомы направили всем сельским Советам.

Несмотря на указания о приостановлении выселения кулаков, их высылки на местах не прекращались. На это указывалось в телеграмме прокуратуры области всем окружным исполкомам КБАО от 23 февраля 1930 года. В телеграмме приводился пример, где «на заседании Баксанской окружной

земельной судебной комиссии было вынесено решение о выселении из села Заюково и конфискации имущества у девяти кулацких хозяйств, к проведению чего в жизнь и было преступлено сельским Советом». Выселяемые кулаки написали заявление в облисполком, где протестовали против решения судземкомиссии и в ожидании ответа на это заявление вели беседы на тему об уходе в лес в том случае, если не получат удовлетворяющего их результата. Исходя из этого, облпрокуратура категорически предложила приостановить всякого рода выселения до особого на то распоряжения от облисполкома.

Но и этих мер оказалось недостаточно. 10 апреля 1932 года Кабардино-Балкарский облисполком, областная прокуратура, областной суд выработали единый документ и под грифом «Секретно» разослали его райисполкомам, народным судам, народным следователям и начальнику областного управления милиции. В этом документе было предложено:

1. Во всех случаях изъятия и реализации кулацкого имущества, при наличии семьи, оставлять для жилья необходимые малоценные строения и самые необходимые предметы домашнего хозяйственного обихода, не допуская разброда кулацких семей или выезда в другие селения в целях контроля за ними местных органов власти.

2. Во всех случаях прибытия новых лиц в селения на жительство немедленно проверять их социально-имущественное положение, причины переезда и в отношении кулацко-зачиточных групп немедленно делать запросы по месту их прежнего жительства для проверки судимости, выполнения ими обязательств и твердых заданий, одновременно установив за ними контроль.

3. При первых же сведениях о появлении в селениях кулаков, бежавших из мест лишения свободы, ссылки или высылки – производить их немедленный арест с передачей органам милиции для заключения под стражу и возбуждения против кулаков уголовного преследования».

Предлагалось народным судьям и народным следователям четко проводить в жизнь те указания, а также, данные в директиве областного суда и прокурора от 1/IX-1931 года № 1 ск 23.

Также предлагалось райисполкомам и начальнику областного управления милиции на основе этой директивы дать четкие указания всем сельским Советам и низовым органам милиции и УГРО.

За первый квартал 1933 года из 108 человек, привлеченных к уголовной ответственности, 67 человек являлись беглыми кулаками. На территории КБАО отделом ОГПУ был мобилизован оперсостав для изъятия беглых кулаков, которые, уклонившись от выполнения спущенного им плана хлебозаготовок и скрывая свое социально-имущественное положение,

прибывали из Кубани, Украины и других районов на территорию Кабардино-Балкарии, с приобретенными фиктивными справками, а также обманным путем устраивались на работу в различных учреждениях и предприятиях. При выявлении таких лиц привлекали к ответственности по признакам ст. 82 Уголовного кодекса, дела на них направлялись на внесудебное рассмотрение крайполиттройки при ПП ОГПУ. Подтвердим сказанное выписками из личных дел беглых кулаков.

Василенко Николай Семенович, уроженец и бывший житель хутора Комаровского, Прималкинского района, где имел совместно с отцом кулацкое хозяйство, в 1931 году был подвергнут высылке на Урал, как кулак и лишенец, вместе со своим отцом, откуда через год совершил побег. Вернувшись нелегально обратно в хутор Комаровский, осел там на жительство и поступил на работу в колхоз «Первая пятилетка».

Отец Николая Семен до Октябрьской 1917 года революции имел две лошади, две коровы, держал батраков, сам служил в Белой армии. После революции к тому прибавилась пашня площадью до 40 га.

Тройка вынесла решение Василенко Николая Семеновича заключить в концлагерь сроком на пять лет. Межрайонная подкомиссия направила беглого кулака вместе с семьей в спецпоселок.

3 февраля 1933 года Кабардино-Балкарским отделом ОГПУ были арестованы и заключены под стражу Лысенко Афанасий Емельянович, проживавший в станице Екатериноградская, и Лысенко Николай Афанасьевич, проживавший в той же станице и состоявший на службе в совхозе «Балтийский рабочий», Моздокского района.

Лысенко А. Е. и Лысенко Н. А., отец и сын, уроженцы ст. Калашинской Лабинского района бывшей Кубанской области, были как кулаки и лишенцы 13 сентября 1930 года подвергнуты высылке в Дивенский район, Ставропольского округа, откуда сбежали в июне 1932 года, скрывались на территории КБАО.

Скрыв свою принадлежность к категории кулацкого элемента и побег с кулацкого поселка, Лысенко Н. А. поступил на службу в совхоз «Балтийский рабочий», Моздокского района. Лысенко А. Е. устроился на работу на Сенопункт в ст. Екатериноградская.

Следственное дело № 1505 по обвинению Лысенко А. Е. и Лысенко Н.А. по ст. 82 УК РСФСР было направлено на внесудебное рассмотрение крайполиттройки при ПП ОГПУ Северо-Кавказского края, с предварительной санкцией прокурора КБАО.

26 апреля 1933 года на заседании тройки при ПП ОГПУ СКК было принято решение: «Обвиняемого по ст. 82 УК РСФСР Лысенко Афанасия Емельяновича выслать в Дивное этапом».

По врачебному освидетельствованию амбулатории поселка Майское Лысенко Афанасий в возрасте 62 лет 26/V-1933 года в 1 час 30 мин. умер от паралича сердца.

26/V-1933 года тройка при ПП СКК приняла решение: «Лысенко Николая Афанасьевича заключить в концлагерь сроком на пять лет. 30 мая межрайонная подкомиссия заменила это решение «направлением в спецпоселок вместе с семьей».

Линник Петр Прокофьевич являлся уроженцем и жителем села Ново-Полтавка Прималкинского района КБАО, из крестьян, раскулаченный, в 1931 году лишен избирательных прав, вместе с отцом и его семейством был выслан на Урал, отсюда бежал в Дагестан, г. Грозный, оттуда – в ст. Старогладковскую Дагестанской ССР, где устраивался на различные работы,

скрывая свое кулацкое происхождение от органов власти. До высылки Линник Петр вступил в комсомол и как социально чуждый элемент под влиянием своего отца проводил агитацию по срыву хлебозаготовок, займа и коллективизации.

Линник П. П. после Октябрьской, 1917 года, революции имел 40 га пашни, 2 дома, 2 хозпостройки, 2 плуга, 4 бороны, 2 сеялки, 1 косилку, 1 самовязку, 2 культиватора, 4 лошади, 3 коровы, 2 быка, 25 баранов, 8 свиней, 4 конского молодняка, 5 крупного рогатого молодняка. В своем хозяйстве применял наемную рабочую силу, постоянно держал двух батраков, использовал на сезонных работах до 16 человек.

В дополнение к вышеизложенному приведем фрагмент из показания самого Линника П. П.: «До 1931 года жил с отцом на его иждивении. В 1931 году, в апреле, я выехал из села Ново-Павловка в Дагестанскую АССР, ст. Киргизская на работу, где работал рабочим на железной дороге до октября 1931 года. По окончании я заболел и пролежал до марта 1932 года, после чего поступил на винсклад ст. Старогладковская, где работал с 3/III по 9/VII-1932 года, затем снова заболел. 1/XII-1932 года после сокращения я поехал домой в село Ново-Полтавка, где мне в сельском Совете заявили, что моего отца, мать и братьев выслали на Урал. Из колхоза отца исключили в апреле 1931 года, до момента моего возвращения. За что исключили отца из колхоза я не знаю, но выслан за срыв весеннего сева, как единоличник, исключенный из колхоза».

Следственное дело № 1517 по обвинению гражданина Линника Петра Прокофьевича по ст. 82, 58 п. 10 УК РСФСР было направлено на внесудебное рассмотрение в крайполиттройку при ПП ОГПУ Северо-Кавказского края с предварительной санкцией прокурора КБАО.

19 апреля 1933 года тройка при ПП ОГПУ Северо-Кавказского края приняла решение: «Линника Петра Прокофьевича заключить в концлагерь на пять лет, считая срок с 19/II-1933 года».

Саракуев Хаджи-Мурза Китович в 1931 году за совершенное им преступление по ст. 58-11, 59-3 УК РСФСР крайполиттройкой при ПП ОГПУ СКК был осужден к пяти годам высылки на Южный Урал. В том же году он был направлен по месту ссылки. Пробыл в ссылке до октября 1932 года. В октябре 1932 года Саракуеву Х.-М. крайняя мера пресечения соцзащиты была изменена по минусу 12, ввиду его преклонного возраста и болезненного состояния, как неспособного к физическому труду.

После пересмотра дела Саракуев прибыл в село Верхняя Балкария КБАО, на прежнее место жительства. Но ввиду того, что Саракуев имел минус 12, а Кабардино-Балкарская область, в целом Северо-Кавказский край являлись запрещенной местностью для минусников 12, то Хаджи-Мурзе было объявлено в десятидневный срок покинуть пределы КБАО, а также Северо-Кавказского края, с отображением от него подписки. Местом жительства он избрал г. Алма-Ата, но туда он не выехал, стал проживать дома на полулегальном положении, таким образом, нарушил подписку. В силу этого Саракуев был арестован и заключен под стражу при ардеме КБОО ОГПУ.

19 марта 1933 года было принято решение 56-летнего Саракуева Хаджи-Мурзу Китовича, малограмотного, беспартийного, семейного, по социально-имущественному положению кулака, направит этапным порядком в г. Алма-Ата ПП ОГПУ по Казахстану, на оставшийся срок, т. е. до 13 ноября 1935 года.

Таукенов Якуб Исаевич в январе 1930 года был осужден крайполиттройкой по ст. 58/11 УК РСФСР, сроком на десять лет. В том же году был сослан на Урал, в г. Свердловск для от-

бытия срока наказания. Пробыв в ссылке до 23/VII–1932 года Таукиенов был освобожден из-под стражи, с лишением права проживания по минусу 12, согласно приказа ОГПУ №19/10 от 11/I–1930 года, с прикреплением к определенному месту жительства до 10/II–1936 года.

Таукиенов Я. И. избрал место жительства по минусу г. Сталинград, куда и выехал для отбытия срока наказания на оставшийся срок. Пробыв в г. Сталинграде около одного месяца и без ведома Сталинградского оперсектора прибыл на свою родину – в КБАО, стал проживать в своем селении на нелегальном положении. В сентябре 1932 года он был арестован органами и заключен под стражу в арестантский дом КБОО ОГПУ.

Таукиенов Якуб после совершения побега из ссылки и проживая дома на нелегальном положении, ни в чем себя антисоветском не проявил. Согласно имевшейся справки № 107215 от 23/ VII–1932 года, выданной ему ПП ОГПУ по Уралу г. Свердловск, он должен был отбыть срок наказания по минусу 12 до 10/II–1936 года. Сам Таукиенов изъявил желание выехать не в г. Сталинград, а в Казахстан, г. Алма-Ата, но он нарушил подписку, после прибытия в КБАО проживал на нелегальном положении и не была исключена возможность, что он так же мог скрыться, не выехать по месту прикрепления по минусу 12, а потому было принято решение 63-летнего Таукиенова Якуба Исаевича, уроженца и жителя села Кашхатау Балкарского района КБАО, кулака, лишена направить с первым отходящим этапом в распоряжение ПП ОГПУ по Казахстану, в г. Алма-Ата.

Ларин Степан Иванович, житель станицы Александровская Прималкинского района, лишенец, кулак, за разлагательство колхозной дисциплины и агитацию против колхозного строительства был отправлен в концлагерь сроком на десять лет с конфискацией имущества.

Гендугов Бетал Гисович, бригадир бригады № 7, за вредительское отношение к тяглу и проведение весеннего сева по засоренной земле, что привело к срыву мероприятий по повышению урожайности, был исключен из партии и лишен свободы сроком на десять лет.

Синица Василий Никифорович, уроженец ст. Солдатская,

кулак, сбежавший с мест ссылки был подвергнут ссылке в отдаленные места СССР сроком на десять лет.

Осужденные кулаки, бежавшие из мест лишения свободы, ссылки и высылки, скрывались в своих имениях, тут же немедленно подвергались арестам и передавались в органы милиции.

Бегство «из кулацкой ссылки» получило широкий размах. В период с 1932-го по 1940 год «из кулацкой ссылки» бежали 629 042 человека и было возвращено из бегов 235 120 человек.

Дело, о котором пойдет речь ниже, было начато 16 ноября 1932 года, окончено 7 ноября 1933 года. В нем изложена переписка с Северо-Кавказским Управлением исправительно-трудовых колоний и переправка осужденных к ссылке, содержатся приговоры, судебные определения на осужденных, списки и справки на этапированных заключенных.

По одному попутному списку по наряду ГУЛАГ № 684 в г. Кемь отправлено 10 лишенных свободы, по другому списку по наряду ГУЛАГ № 685 в г. Новосибирск направлены 50 осужденных Особым совещанием коллегии ОГПУ.

Попутный список на этапированных 30 лишенных свободы, отправленных на ст. Батайск Северного Кавказа 18 июня 1933 года на основании телеграммы КУИТУ, как и те, был заверен круглой печатью и подписями начальника ИЗО Маремкулова и начальника канцелярии Василенко.

Туда же, на ст. Батайск 30 июня 1933 года были этапированы 35 лишенных свободы. Попутный список отправленных подписали начальник изолятора Маремкулов, начальник канцелярии Василенко и ст. команды ИЗО Увыжев.

По распоряжению КУИТУ, телеграммой 1089/8, по наряду № 798 ГУЛАГ на станцию Потьма, в распоряжение ГУЛАГ 30 июня 1933 года из Нальчикского изолятора этапированы 70 человек, лишенных свободы. Попутный список подписали те же лица.

Нальчикскому изолятору ежемесячно спускался план этапирования лишенных свободы, от выполнения которого зависела судьба его сотрудников, за перевыполнение плана они получали премии и государственные награды. Месячный план имел нижеследующую форму.

Выписка из плана этапирования лишенных свободы Нальчикский ИЗО на апрель месяц 1933 года

Остается на 1/IV–1933 г.	Поступает с 1 по 10/IV–1933 г.		Предложено к вывозу к 5/IV–1933 г.	Поступает с 10 по 21/IV–1933 г.		Предложено к вывозу к 12/IV–1933 г.	Поступает с 20 по 30/IV–1933 г.		Предложено к вывозу к 19/IV–1933 г.	Предложено к вывозу к 26/IV–1933 г.	Всего поступает	Всего вывозится	Остается к 1/V–933 г.
	из РУМ	из ОГПУ		из РУМ	из ОГПУ		из РУМ	из ОГПУ					
682	150	-	300	100	20	-	100	-	100	-	370	600	452

Старший инспектор

/Христофоров/

Лишенные свободы из Нальчикского ИЗО этапом отправлялись в северные районы страны с суровыми климатическими условиями. Это подтверждают попутные списки, сохранившиеся в архивах.

По следующему попутному списку из Нальчикского ИЗО в г. Батайск, с назначением Лодное поле, 12 июля 1933 года по наряду № 794 было отправлено 47 заключенных. Данный документ заверен круглой печатью и тремя подписями: начальника изолятора Маремукова, начканца Василенко и того, кто принял указанных заключенных.

Неделю спустя, 18 июля, для этапирования по распоряжению ГУЛАГ на ст. Батайск Северо-Кавказского края, назначением на ст. Потьма 37 человек лишенных свободы принял начальник конвоя Медалиев.

2 октября 1933 года по наряду ГУЛАГ было отправлено этапом в г. Дмитровск 40 человек, 24 декабря из Нальчикского областного ИЗО представитель Новочеркасского сельскохозяйственного ИТК Новиков принял 46 человек, лишенных свободы, с личными делами.

И далее, в том же 1933 году были отправлены: в г. Магнитогорск – 58 человек, лишенных свободы, в г. Иркутск – 25, в г. Новосибирск – 115, в г. Медвежья Гора – 40 заключенных. В г. Новосибирск по наряду ГУЛАГ № 670 под руководством начальника второй конвойной роты Голубина направлены 49 осужденных сроком от трех до пяти лет.

Как видим, этапирование заключенных набирало все новые и новые обороты.

Этапированным лишенным свободы гражданам в сутки давали 750 граммов хлеба, 10 граммов сахара, 33 грамма рыбы, 50 граммов пшена, что еле хватало на их существование.

По данным на 30 января 1933 года в Нальчикском областном ИЗО содержались лишенные свободы 914 человек, из них за судами – 252 человека, кассационных – 44, следственных – 277, пересыльных – 19, срочных – 273 человека, из них от одного до трех лет мужчин – 138 человек, женщин – 10 человек. От трех лет и выше – 85 человек, из них трудоспособных – 52, по линии ОГПУ срочных – 3, по линии ТОГПУ – 3 ссыльных, с ИТРАБОТАМИ – 42 ссыльных, без ИТР – 17. Из осужденных по линии ОГПУ 37 человек имели прямое назначение Дажское поле – 8, Алма-Ата – 12, Казахстан – 4, Прику – 1, Медвежья Гора – 2, Западная Сибирь – 3, Архангельск – 1, ТАВДА – 1, Кривошейск – 1, без места назначения – 3 человека.

Кубатура корпуса Нальчикского ОблИЗО была рассчитана контингенту на 247 человек, из расчета 2 квадратных метра на одного лишенного свободы. Сильная перегруженность и скученность лишенных свободы могла здесь вызвать эпидемию. Опасаясь этого, начальник ОблИЗО Ципинов и начканц Василенко вынуждены были спешно обратиться к начальнику КУИТУ г. Ростова-на-Дону 30 января 1933 года с просьбой срочно распорядиться о высылке внеочередного этапа вывода срочных свыше трех лет трудоспособных 52 человека, срочных по линии ОГПУ – 37 человек, имевших прямое назначение ссыльных с инженерно-техническими работниками – 42, ссыльных без ИТР – 17 человек, а всего – 148 человек.

15 марта 1933 года состоялось заседание комиссии по разгрузке Кабардино-Балкарского изолятора на основании циркуляра НКВД РСФСР от 3 мая 1929 года (№ 333/24/с). В комиссию входили председатель Кабардино-Балкарского отдела ОГПУ, представители Кабардино-Балкарской областной прокуратуры и начальник ОблИЗО. Было принято решение направить в трудовые лагеря ОГПУ по наряду КУИТ 96 человек, лишенных свободы.

11 мая 1933 года за № 20/1105 всем начальникам мест лишения свободы с изоляторами спешной почтой был направлен циркуляр Северо-Кавказского краевого управления. На основании распоряжения ГУЛАГ ОГПУ был прекращен дальнейший прием в лагеря ОГПУ кассационных, а также стариков свыше 60 лет и нетрудоспособных-инвалидов. В лагеря ОГПУ направлялись только осужденные с утвержденными касколлегиями приговорами. Устанавливался контроль за тем, чтобы в каждом личном деле были соответствующие документы об утверждении приговора и физическом состоянии направляемых осужденных. Специалисты-инженеры, техники, агрономы, врачи, бухгалтеры, мастера всех категорий, счетоводы и служащие не могли быть отправлены в лагеря ОГПУ только в том случае, если их использование по специальности было противопоказано состоянию здоровья.

В случае направления в лагеря ОГПУ лишенных свободы, не отвечавших выше указанным требованиям, виновные работники ИТУ привлекались к строжайшей ответственности.

По данным на 30 мая 1933 года, в местах лишения свободы Северо-Кавказского края содержались 1299 человек пересыльных. Их число из пятнадцатидневки в пятнадцатидневку в течение продолжительного времени оставалось без изменения в сторону уменьшения. Проверкой было установлено безобразно продолжительное содержание почти в каждом пересыльном пункте пересылаемых очередными маршрутными партиями лиц. Особенно часто и почти, как правило, долго задерживались в ИТУ пересыльные, следовавшие в одно направление одиночным порядком. Некоторые пересыльные лишенные свободы в ожидании сдачи их на очередные этапы, обслуживаемые частями конвойных войск, содержались по 6–8 месяцев. Пересыльные же в пункты, не обслуживаемые маршрутами конвойных войск, содержались иногда еще более продолжительное время. Причина заключалась в том, что местные управления милиции не успевали наряжать конвоев для сопровождения лишенных свободы по месту назначения. В то же время начальники мест лишения свободы с изоляторами, Северо-Кавказского краевого управления милиции, командир первого отделения конвойной бригады обыкновенно благодушно относились к негативным фактам.

Продолжительное содержание пересыльных лишенных свободы в ИТУ в ожидании сдачи на этапы являлось нарушением революционной законности, а также служило перегруженности изоляторов. 13 июня 1933 года (№ 14/1306) под грифом «Не подлежит оглашению. В. срочно» всем начальникам мест лишения свободы с изоляторами, копии: начальнику Северо-Кавказского краевого управления милиции, командиру первого отделения конвойной бригады во исправление создававшегося положения было направлено Распоряжение (№ 14/1306) за подписями помощника начальника КУИТУ Скворцова и старшего инспектора Христофорова. Данный приказ обязывал начальников мест лишения свободы немедленно принять самые решительные и настойчивые меры к направлению в наикратчайший срок всех пересыльных по месту назначения. Для реализации этого распоряжения предлагался ряд конкретных мероприятий:

«1. Лишенных свободы, подлежащих направлению в пределах Северо-Кавказского края в пункты, расположенные при железнодорожных станциях и при станциях, но не обслуживаемые частями конвойных войск, в пятнадцатидневный срок направить по месту назначения под конвоем надзирателей ИТУ. Для перевозки лишенных свободы немедленно затребовать от КУИТУ литеры, указав от какой и до какой станции требуется получить литер.

2. Немедленно договориться с командиром ближайшей конвойной части о принятии на первый же очередной маршрут всех лишенных свободы, подлежащих перевозке в пункты, обслуживаемые маршрутами конвойных войск. Если же в одно направление следует более 30 лишенных свободы, то договориться о назначении в течение пяти дней неочередной маршрутной партии.

Начальникам ИТУ, находящимся вне места расквартирования конвойных частей, затребовать очередную или не очередную высылку конвоя по очередному маршруту, указав в заявке число лишенных свободы и пункты назначения, куда подлежат эти лишенные свободы перевозке.

В случае отказа командира конвойной части вывезти первой же очередной партией всех пересыльных, следующих в попутном направлении, срочно донести КУИТУ для постановки вопроса перед командованием конвойной бригады или перед Центральным Управлением Конвойных Войск СССР. Этот порядок не касался тех лишенных свободы, которые вывозились по нарядам КУИТУ массовым порядком.

3. Немедленно договориться с начальником местного управления милиции о выделении конвоиров милиции – оперов для направления пересыльных лишенных свободы, подлежащих перевозке в пункты, не указанные в § 1 и § 2 этого предписания, населенные пункты, расположенные в стороне от железнодорожных станций и пристаней».

В случае отказа со стороны начальника милиции выделить конвоиров приказано было обратиться за содействием к рай(гор)прокурорам, а при не разрешении с ним вопроса срочно донести КУИТУ для постановки вопроса перед краевым управлением милиции.

Вышеуказанные мероприятия предлагалось провести в ударном порядке.

Начиная с конца 20-х годов с территории Северо-Кавказского края последовали на Север, Урал и другие отдаленные районы страны, по данным ОГПУ, 10 595 семей (51 577) кулаков, принадлежавших к различным национальностям, но в значительной степени русские. На этот период приходится наибольшее число выселяемых по политическим соображениям с территории Северного Кавказа. Всего же только за два года – 1930–1931 годы было выселено 1 719 333 человек (384 044 семьи).

К началу 1933 года, когда выселение кулачества в основном было закончено, в местах поселения было 1 317 000 кулаков.

Каторжными были условия проживания трудпоселенцев. Их труд использовался в золотодобывающей промышленности на территориях «подведомственных МВД СССР», на лесозаготовках, в угольных шахтах. Трудпоселенцев постоянно преследовали нехватка продовольствия, обуви, примитивные жилищные условия, эпидемии и болезни.

К 1937 году закончились сроки ссылки и высылки крестьян, которые были репрессированы в период коллективизации. Руководство страны разработало план подготовки к войне, согласно которому предусматривалась ликвидация потенци-

альной пятой колонны в стране и проведение генеральной чистки. Из более 1 млн 300 тыс. арестованных в 1937–1938 годы один миллион человек были арестованы по так называемому кулацкому «Приказу 00447» и приказами по «инонациональностям». К началу Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на спецпоселении оставались 930 220 бывших кулаков, были среди них и те, кто переселялся с территории Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГА КБР, ф. Р-195, оп. 1, д. 34, л. 29.
2. Там же, ф. 195, оп. 1, д. 8, л. 20.
3. Там же, л. 22.
4. Там же, ф. Р-183, оп. 4, д. 81, л. 44.
5. Там же, д. 88, л. 56.
6. ЦГА КБР, ф. 183, оп. 3, д. 524, т. 2, лл. 289–291.
7. Там же, л. 293.
8. Там же, л. 295.
9. Там же, л. 296.
10. Там же, л. 298.
11. Там же, л. 318.
12. Там же, л. 319.
13. Там же, л. 320.
14. Там же, л. 452.
15. Там же, л. 105.
16. Там же, ф. Р-3, оп. 2, д. 291, т. 2, л. 327.
17. Там же, л. 330.
18. Там же, л. 344.
19. Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД – МВД СССР). Социологические исследования. М., 1990. № 11. С. 18.
20. Там же, д. 290, лл. 18, 19.
21. Там же, л. 85.
22. Там же, л. 90.
23. Там же, д. 290, л. 91.
24. Там же, л. 38.
25. Там же, л. 117.
26. Там же, л. 138.
27. Там же, л. 224.
28. Там же, л. 303, 304, 309, 341.
29. Там же, л. 308.
30. Там же, л. 138.
31. Там же, л. 356.
32. Там же.
33. Там же, д. 290а, л. 571.
34. Там же, д. 290, л. 50.
35. Там же, л. 100.
36. Там же, лл. 100, 100об.
37. Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Нальчик, 1995. С. 350.
38. ГАРФ, ф. А-374, оп. 28, д. 4055, л. 47.
39. Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. С. 352.

РАСПОЯСАВШИЕСЯ «БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ»

Журнал «СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ».

№ 37. Май 1937 г., Варшава

В «Правде» от 5/III–1937 г. появилось следующее знаменательное сообщение:

«Пятигорск 4 марта (корр. «Правды»). В Нагорном районе Кабардино-Балкарской автономной республики грубо нарушается Конституция СССР.

Недавно из некоторых селений этого района начали выселять отдельных жителей лишь потому, что они по национальности не кабардинцы.

В селении Сармаково давно проживает Дмитрий Яковлевич Татаринцев, сын которого служит в Красной армии. 7 февраля к Татаринцеву явился сельский исполнитель. Он предложил Татаринцеву немедленно собрать вещи и, забрав с собою семью, выехать из селения.

– Почему? В чем дело?

– Имеется приказ о выселении русских.

Тов. Татаринцев с семьей пошел в сельсовет жаловаться. Но председатель сельсовета Гонгапшев лишь подтвердил, что действительно русские подлежат выселению из кабардинского села.

Гонгапшев – член партии. Он заявил в письменной форме, что директива о выселении русских и цыган получена им лично от председателя Нагорного райисполкома Жемухова и секретаря Нагорного райкома партии Бекишева. Инспектор уголовного розыска в районе член партии Кумехов сообщил корреспонденту «Правды», что в конце февраля его вызвал к себе секретарь райкома партии Бекишев и предложил не чинить препятствий к выселению русских за пределы района».

К этому сообщению редакция газеты добавляет от себя, что она обращает внимание Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) на неслыханные в советских условиях факты проявления буржуазного национализма и надеется, что «партийные и советские организации республики тщательно расследуют весь вопрос и призвуют к ответу распоясавшихся буржуазных националистов».

И действительно, «буржуазные националисты» на Северном Кавказе основательно «распоясались», и беспокойство «Правды» является вполне обоснованным. Характерное признание в связи с этим усилением национальной активности на Северном Кавказе делает Михаил Кахиани, глава краевой партийной контрольной комиссии, посвятивший вопросу борьбы с «буржуазными националистами» специальную статью. Статья эта под заглавием «Разгромить буржуазных националистов» была в апреле т. г. помещена во всех северокавказских республиканских и областных органах печати. Вот, что в ней констатирует Кахиани (цитируем согласно «Кр. Карачаю» от 27/IV–1937 г.):

«За последнее время в национальных республиках (Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии) и автономных областях (Черкесии и Карачае) заметно оживление буржуазных националистов, деятельность которых переплетается и смыкается с работой троцкистов, правых отщепенцев и прочих контрреволюционных элементов, связанных с агентами иностранных разведывательных органов. Стало быть – тут своеобразный блок бандитов с большой дороги, направленный к тому, чтобы всеми силами пакостить

советскому государству. При этом характерно отметить, что в числе руководящих кадров этих контрреволюционных организаций оказались люди с партбилетами в кармане, которым удалось пробраться и на руководящие посты. Так, в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Черкесии разоблачены, как враги народа, некоторые бывшие члены бюро обкома.

Деятельность троцкистских, буржуазно-националистических и прочих контрреволюционных элементов, как установлено теперь, шла по следующим главным направлениям. Первое – подрыв колхозного строительства путем прямого вредительства в сельском хозяйстве, развала колхозов, организации саботажа сельскохозяйственных работ, создания недовольства колхозников на почве перегибов, распространения всякого рода провокационных слухов. Второе – разжигание националистических настроений, путем протаскивания в национальную печать, литературу и в школы контрреволюционной националистической пропаганды. Третье – борьба с русской частью партийного руководства в республиках, путем попыток дискредитации к стремлению изолировать русских работников. Четвертое – подготовка диверсионно-террористических актов.

Если разобрать это усиление национальной сопротивляемости, то мы увидим, что оно находится в прямой связи с усилением русификаторских и централистических стремлений Москвы. Ассимиляторская акция, руководимая из центра, встречается на местах с мощной национальной реакцией. Борьба ведется с ожесточением, и национальный Северный Кавказ отнюдь не намерен уступать без боя своих позиций.

Весьма часто при этом северокавказские «буржуазные националисты» идут на пролом, принимают решения, которые являются открытым вызовом правящей власти. Таковым, например, является решение о выселении русских, вызвавшее возмущение Правды». История этого выселения весьма показательна. Более подробно о ней пишет газ. «Сев.-Кавк. большевик» от 9/IV–1937 г.

«В 1932 году, – читаем в газете, – в селениях Хабаз, Светловодское, Брунненталь и Зольское стали поселяться украинцы, немцы и другие национальности¹).

И вот однажды, в 1936 году, по селениям распустили слухи о кражах сена, соломы и кур. Коренные жители считали, что воровство совершают приезжие жители. Население стало об этом сигнализировать председателю Нагорного райисполкома Баг Жемухову.

По-своему Жемухов «прислушивался» к их сигналам. Вместо того чтобы выявлять конкретных виновников в краже, этот буржуазный националист заявлял:

– Надо избавиться от приезжих путем выселения.

Так началось незаконное выселение граждан.

Четвертого февраля в селении Зольском (райштаб) состоялось заседание президиума Нагорного райисполкома, на котором присутствовали председатели сельских Советов. На этом заседании один из председателей сельсоветов задал вопрос Жемухову:

¹ Это «нашествие» на Кабарду является, несомненно, результатом свирепствовавшего в 1932–1933 гг. в южных районах СССР голода.

– Что делать с русскими, проживающими на селе?

– Надо всех приезжих немедленно выселить из Нагорного района, – ответил Жемухов.

На другой день председатели стали поодиночке вызывать к себе в сельсовет приезжих жителей и предупреждать их, что на основе распоряжения райисполкома они должны выехать из селения. Затем стали посещать жителей и сельские исполнители.

Первым приступил к выполнению распоряжения председатель сельсовета селения Сармаково Маш Гонгапшев. Он собрал сельских исполнителей Калова Б., Пагова Ш. и Гонгапшева Т. и дал им срочное задание: предупредить всех приезжих, проживающих в селении Самарково, о том, что их будут через три дня выселять. Так были предупреждены о выселении 45 семейств, из которых два семейства были выселены в принудительном порядке. Это – Корниенко Петр и 15-летняя Орлова Пелагея. Их вещи были выброшены на улицу.

Таким же порядком были предупреждены о выселении и жители селений Камлюко, Шардаково, Малка и Залукокоаже.

Буржуазные националисты распоясались вовсю. Например, в селении Зольском заведующий Нагорным земельным отделом Али Шериев лично обходил квартиры украинцев, проверял их документы, расспрашивал чем занимаются, а в конце обследования повышенным тоном заявлял:

– Вам нужно отсюда выехать. Всех украинцев будем выгонять!

Националист Шериев всячески препятствовал единоличникам вступать в члены колхоза («единоличниками» были переселенцы. – Д.). Он грубо нарушал сталинский устав сельскохозяйственной артели.

Привлечены к уголовной ответственности Жемухов, Шериев, Гонгапшев М., Пагов, Жириков, Гонгапшев Т. и Калов. 16 апреля выездная сессия Верховного Суда КБАССР будет слушать это дело показательным процессом в селении Сармаково. По делу вызываются 62 свидетеля.

Ясно, конечно, что инициаторы выселения предвидели бурю, которую вызовет их распоряжение, и, если, несмотря на это, оно ими было все же принято, то несомненно потому, чтобы демонстративно выразить протест против непрекращающейся, систематически проводимой и советской властью, колонизации Северного Кавказа русско-украинскими переселенцами. Кстати, все «виновные» в этом деле были уже судимы и приговорены к различным срокам тюремного заключения и трудовых работ.

Не менее характерны и другие проявления «буржуазного национализма». Вот, например, какие настроения господствуют среди писателей Северного Кавказа:

«За два года Даггосиздатом выпущено лишь несколько случайных названий художественной литературы. Взятые на себя обязательства – перевести лучшие произведения классиков (русских, конечно. – Д.) на дагестанские языки, союз советских писателей саботирует.

Факты, характеризующие работу Дагестанского союза, характерны для писательских организаций всего края.

Именно отсутствием политической работы среди писателей Чечено-Ингушетии и Северной Осетии можно объяснить, например, то обстоятельство, что книги большинства членов этих союзов посвящены только лишь прошлому их народов.

В активе работ писателей этих республик нет ни одного крупного произведения (за исключением стихотворений), которое отражало бы героико-социалистической стройки,

показывало бы новых людей, выросших на колхозных полях, на фабриках и заводах.

Мимо писательских организаций проходят важнейшие события, происходящие в стране. Достаточно указать, что союз писателей в Чечено-Ингушетии не обсудил даже вопросов о формалистических извращениях в литературе и искусстве, не откликнулся на ошибки Камерного театра Эйзенштейна.

Ни в Северной Осетии, ни в Чечне, ни в Карачае, ни в Черкесии писатели не обсудили еще итогов последнего пленума ЦК и не сделали для себя из них никаких выводов» («Ордж. правда» – 24/IV–1947).

В той же газете («Ордж. правда» – 11/V–1957), в статье под заглавием «Авербаховщина в Дагестане», читаем:

«С русскими писателями, творчески связанными с Дагестаном, у руководства (дагестанским союзом советских писателей. – Д.) установились нетоварищеские, недружелюбные отношения.

Гереев, Аурбиев и Гаджибеков (члены «руководства». – Д.) утверждают, что русские писатели не имеют права писать о Дагестане, т. к. они не знают дагестанских языков и не могут «правильно воспринять и отразить действительность». Это вредная националистическая галиматья»¹).

Как видим, ожесточенная борьба ведется и на «фронте литературы». И здесь акция вызывает реакцию. На все стремления власти привить северо-кавказской литературе «революционную» тематику и насытить местного читателя переводами русских классиков, северокавказские писатели отвечают книгами о прошлом своего народа и бойкотом русской литературы. Более того, они стараются недопустить русских писателей к северокавказской тематике.

Нежелание заниматься «актуальными вопросами дня» является характерным для всех отраслей творческой мысли на Северном Кавказе. Так, например, некий Я. Лурье обвиняет в «Прол. Осетии» (№ 87. 15/IV–1937) руководителей Северо-Осет. научно-исслед. института в том, что они «не желают пальцем шевельнуть для решения насущнейших вопросов сегодняшнего дня» и «занимаются чем угодно, только не тем, что от них требуется». Особенно винит он в этом «буржуазных националистов» – проф. Дзагурова, руководящего литературным отделением института, и проф. Алборова, руководителя лингвистическим отделением. О последнем Лурье пишет:

«Алборов считается в институте непрекращаемым авторитетом. Почему? Что дает ему право на это, кроме бесконечных ошибок? Он издает «Абречи песни» и «Историю осетинской письменности» и проявляет себя в этих работах как буржуазный националист. В работах по осетинской грамматике он идет вразрез со всем советским языкознанием, говоря о происхождении осетинского языка от мифического индоевропейского «праязыка». Советская наука о языке говорит, что человечество от великого множества языков идет к единому языку. По Алборову получается наоборот: был один «праязык» и он все больше и больше разветвляется».

Аналогичное обвинение в игнорировании «насущных вопросов сегодняшнего дня» предъявляется и руководству Дагестанского научно-исследовательского института культуры, директором которого является Гаджи Гаджибеков. Оказывается, институт не желает выпустить монографии «о лучшем ашуге страны гор – Сулеймане Стальском», тошнотворно-хвалебные

¹ Между прочим, писатель Юсуф Гереев, о котором идет здесь речь, является по происхождению русским. Оставшись сиротой в детском возрасте, он попал в кумыкскую семью и был воспитан как горец.